

ВЕРГИЛИЯ КУЛЛ

18+

18+

МОЙ ВРАГ,
МОЯ ЛЮБИМАЯ

Вергилия Коулл

Мой враг, моя любимая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67413939

SelfPub; 2022

Аннотация

Он должен ненавидеть меня. За смерть семьи, за жизнь в изгнании. Я должна ненавидеть его. За похищение из родного дома, за лишение свободы. Но его кулаки разжимаются, чтобы пальцы ласкали меня. Но мои ногти впиваются в его плечи в порыве не мести, а страсти. «Мой враг, враг, враг!» – твержу я, но голос слабеет, когда слышу в ответ: «Моя любимая...»

Книга ранее публиковалась под псевдонимом Влада Южная.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	15
Глава 2	43
Глава 3	52
Глава 4	58
Глава 5	86
Глава 6	101
Глава 7	108
Глава 8	139
Глава 9	159
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Вергилия Коулл

Мой враг, моя любимая

Пролог

В ту ночь разыгралась нешуточная гроза. Молнии, подобно разящим огненным стрелам, били в темный массив заповедного леса. Всполох. Нарастающий рокот. Гром. Ливень безжалостно хлестал по головам и спинам шестерых мужчин, затаившихся на холме между деревьев. Даже капюшоны неприметных дождевиков не спасали людей от струй, больно секущих щеки, губы и веки.

Внизу, под холмом, на равнине, перед охотниками расположился добротный двухэтажный дом. Из трубы вился дымок, в окошках плавился теплый желтый свет. По соседству примостились хозяйственные постройки: амбар, хлев, курятник. За домом, неразличимые с холма, раскинулись огороды. Это мужчины успели выяснить у одного из своих, посланного заранее в разведку. Как и то, что в доме проживает целая семья.

– Пули беречь! – хрипло и коротко приказал главный, прищурившись и вскинув ружье. – У каждого по две. Больше нет. В крайнем случае, пользоваться ножом. – Резким движением он выхватил из-за пояса и показал свое оружие. –

Лезвие тонкое, не сломайте.

Мужчины внимали его словам, бросая косые взгляды на мирное жилище, распростертое перед ними.

– Когда мы получим жилу, всего станет больше: и пуль, и клинков, – продолжал главный. – Но чтобы ее получить, я не хочу видеть ни одного промаха с вашей стороны.

Его спутники переступили с ноги на ногу и вразнобой кивнули. Грянул очередной раскат грома. Главный выругался и по очереди заглянул каждому в лицо.

– Я хочу, чтобы сегодня вы сработали, как единое целое. Поняли, засранцы? Эти пули я своими руками отлил из ожерелья Майи. И лезвия тоже. Жаль, что ее украшения весили не так много. Но сегодня мы за нее отомстим. Вы поняли? Мы уничтожим того, кто пролил кровь нашей драгоценной девочки!

Четверо из охотников никогда не встречали женщину, ради которой пришли убивать. Им просто заплатили. При звуке ее имени им слышался звон монет. Поэтому они охотно согласились с главным. Только один человек, еще по-юношески худощавый, сжал свое ружье в побелевших пальцах. В глазах читалась боль. Главный потрепал его по плечу в знак поддержки. Потом снова обратился к охотникам:

– Все помнят, что нужно делать? Ни в коем случае не тратьте пули на фамильяра! Как бы он ни выглядел! Даже если обделаетесь от ужаса, я не хочу знать, что вы потратили мои пули на то, что невозможно убить! Только в голову лекхе, –

мужчина приставил указательный палец ко лбу одного из наемников. – Убьешь лекхе – убьешь фамильяра. Это понятно?

Черета послушных кивков. «Да, хозяин. За твои деньги мы готовы на все».

– Никаких несмертельных ранений! Никаких истеричных перестрелок! Не ведите себя как бабы! Стрелять только если уверен, что разнесешь мозги проклятого лекхе! Если потратите обе пули, лучше воспользуйтесь ножом, – главный убрал свое лезвие в ножны, – и молитесь, чтобы потом я не использовал свой на ваших цыплячьих горлышках!

Взмах рукой – и мужчины короткими перебежками устремились с холма вниз. Сильно хромая, главный поторопился следом.

В доме, тем временем, коротала вечер ничего не подозревающая семья. Петер, светловолосый крупный мужчина, сидел перед камином, положив ноги на табуретку. Он смотрел на огонь и прислушивался к рокоту грома. Хорошо, что коров удалось пригнать с пастбища до того, как началась гроза. В прошлый раз, когда стихия бушевала, они потеряли козу, и дети остались без целебного молока. Петер потом нашел останки животного, растерзанные волками, и со вздохом сожаления принялся подсчитывать в уме, во сколько обойдется новая покупка.

Временами взгляд Петера сам собой скользил в сторону жены, которая хлопотала по хозяйству, подготавливала вечернюю ванну для детей. Инга была его самой большой лю-

бовью. Статная, красивая яркой величавой красотой, она покорила его сердце более десяти лет назад и прочно удерживала в своих сетях. А ведь он думал, что никогда уже не сможет полюбить! Никогда и никого, после Майи... Что ж, правду говорят, что время лечит. Инга подарила ему трех прекрасных детей, и от той, бывлой, пылкой и юношеской любви, от острой, когда-то раздирающей грудь на куски потери, остались разве что неясные воспоминания.

Из коридора слышалась возня и топот десятилетнего Яниса. Мальчишка пытался обучить своего фамильяра – молодого волка с серебристой шерстью – приносить палку. Ребенку не хватает собаки, думал Петер, уже уставший объяснять сыну, что фамильяр – не игрушка. Надо бы отправиться на ярмарку в воскресный день и приобрести щенка.

Возможно, покупка порадовала бы и пятилетнего Ивара. Этот малыш родился маленьким старичком, хоть и выглядел настоящим ангелом с белокурыми слегка вьющимися волосами. Мать специально не обрезала их коротко, жалела мягкие локоны.

Ивар всегда держался сосредоточенно и хмуро. Малое количество вещей могло вызвать улыбку на его губах, среди них были игры с матерью. Но Инга целый день крутилась как белка в колесе, поэтому малыш часто оставался предоставленным самому себе или старшему брату. Его фамильяр появился совсем недавно, и это послужило для Петера сигналом, что в младшем сыне тоже пробудилась сила лекхе. Ма-

ленький львенок, толстый и забавный, конечно, не мог еще защищать юного хозяина. Им предстояли долгие годы совместного взросления.

Самая младшая из детей, трехлетняя Илзе, сидела у отцовского кресла на широкой медвежьей шкуре. Она вынимала из деревянной шкатулки и складывала обратно материнские бусы и серьги. Этим юная модница могла заниматься бесконечно. Если мать хотела, чтобы дочь не шалила и вела себя смирно – стоило дать шкатулку, и о Илзе можно было не беспокоиться. До появления фамильяра девочка еще не выросла: обычно это происходило после наступления пяти-семилетнего возраста.

Тихий семейный вечер прервал громкий стук в дверь.

Инга тут же появилась на пороге комнаты и посмотрела на мужа. В ее глазах плескалось беспокойство. Дом находился далеко от дорог, сюда не забредали случайные путники. Семья выбрала уединение по многим причинам. Любое появление чужака настораживало и пугало.

Петер поднялся из кресла и дал жене знак не паниковать раньше времени.

– Янис! – позвал он сына. – Возьми младших и поднимись наверх. Запри дверь.

– Что случилось, пап? – удивился мальчик, поглаживая своего волка по загривку.

– Слушайся, сын! – Петер подошел и смягчил грубость приказа ласковым поглаживанием по щеке ребенка. – Давай,

сынок. Делай, как велено. Ты должен заботиться о брате и сестренке. Защищать их.

Янис передернул худеньким плечом, явно недовольный, что его отсылают, но все-таки послушно пошел и взял на руки Илзе, а Ивара ухватил за запястье. Когда топот детских ног затих на лестнице, Петер кивком указал жене на дверь и пошел открывать.

Охотники расположились по обе стороны от входа. Когда дверь распахнулась, ближайший из мужчин ударил прикладом ружья в грудь хозяина. Тот упал на спину, но отреагировал быстро. Словно из ниоткуда на нападавшего набросился громадный лев с густой косматой гривой. Сильные лапы смяли добычу. Острые когти расплосовали одежду вместе с плотью. Охотник заорал, вывалился на улицу, в грязь, пытается сбросить с себя зверя. Дождь окружил их плотной пеленой. Разлетались мутные брызги. Послышалось два выстрела. Яркое пятно расцвело на боку льва, но, казалось, его силы это не уменьшило. Остальные люди трусливо прижались к стенам и только смотрели на поединок. Никто не решался помочь товарищу.

Главный из охотников, с трудом передвигая хромую ногу, проковылял к двери, расталкивая своих людей. Он вскинул ружье, на ходу прицеливаясь в голову хозяина, уже успевшего встать.

Выстрел.

Через несколько мгновений лев растаял в воздухе, оста-

вив истерзанную жертву выть от боли.

На грохот упавшего тела выбежала женщина. Прядки выбились из толстой русой косы, перекинутой через плечо, прилипли ко взмокшему от страха лбу. Женщина истошно закричала, прижав руки к груди. Ее глаза не отрывались от бездыханного тела мужа. Главный ухмыльнулся, снова вскидывая ружье, но тут из-за спины женщины на него прыгнула пума. Гибкая хищница ловко ударила лапой, сбив охотника с ног. Ее оскал заставил остальных побледнеть. Подмяв под себя хромоногую, пума приготовилась вцепиться ему в горло. Один из охотников бросился на помощь. Сверкнуло лезвие ножа. Животное мяукнуло от боли.

– Идиоты! – глухо выругался поверженный главарь, удерживая пуму за шею, чтобы не позволить острым зубам распороть тело. – Вы задницами, что ли, слушали?!

На порог ступил его молодой спутник. Он заколебался, увидев перед собой женщину. Но та сама решила свою судьбу. Отступив за угол, она через секунду появилась, выставив перед собой тазик, исходивший паром. Кипяток. Ее пума ощерилась, готовая оставить лежавшего под ней человека и броситься на новую добычу.

Молодой охотник сглотнул.

– Давай! – прохрипел главный. Его руки начинали трястись от перенапряжения.

Выстрел.

Пума исчезла вместе с протяжным выдохом женщины. Со

звоном металлический тазик отскочил от пола, расплескивая воду. Главный зашипел и отдернул ногу. Молодой с удивлением опустил ружье и оглянулся. Один из наемников позади него качнул головой и сдул дымок из ствола своего оружия.

– Молодец. Получишь десять процентов сверху, – пробормотал главный, цепляясь за поданную руку, чтобы с кряхтением подняться на ноги. – За то, что чистишь уши по утрам.

Услышав выстрелы внизу, дети переполошились. Илзе заплакала, Ивар поджал губы, Янис судорожно обхватил шею своего волка. Все трое уставились на дверь, из-за которой долетали крики и топот. Полоска света, пробивавшаяся в темную комнату над самым полом, словно загипнотизировала их.

И тут скрипнула нижняя ступенька лестницы.

Янис сразу все понял. Он знал шаги отца, знал легкую поступь матери. Это был кто-то чужой. Волк ощетинился и тихонько зарычал, обозначая страх хозяина. В ушах Яниса звучало последнее напутствие отца: «Ты – старший. Ты должен заботиться о младших».

Заскрипела самая верхняя ступенька. Кто бы это ни был, он пробрался на второй этаж и принялся распахивать все двери подряд.

Быстро оглядевшись, мальчик запихнул брата и сестру под их кровати и приказал сидеть как мышкам. Это казалось трудной задачей, потому что Илзе хныкала и не желала успокаиваться. Сам Янис остался стоять, широко расставив ноги

и нервно сжимая и разжимая кулаки. Волк подобрался, готовый к прыжку.

Хлопнула соседняя дверь. Шаги. Ручка начала поворачиваться...

Заперто.

Янис до боли закусил губу, чувствуя, что вот-вот обмочит штаны.

Дверную ручку настойчиво подергали.

Может, уйдут?!

Раздался скрежет в замке. Хлипкая преграда поддалась. Свет из коридора на мгновение ослепил мальчика. Он часто-часто заморгал, разглядывая фигуру мужчины с ружьем наперевес. Вода капала с одежды незнакомца, образуя лужицу на полу.

Охотник постоял несколько мгновений, оглядывая комнату. Детская. Куклы. Деревянная лошадка. Кубики. От его слуха не укрылись тихие всхлипывания под кроватью. Мужчина опустил ружье.

– Прячься!

Янис протер глаза и с непониманием уставился на охотника. Тот махнул рукой.

– Прячься, мальчик! Я закрою дверь. Только сидите тихо!

Янис тряхнул головой и огляделся. Приготовившись бороться и быть убитым, он вдруг растерялся.

– Что это тут у нас? – в дверном проеме, хромя, показался другой человек. Выше и солиднее первого и тоже насквозь

промокший. – А-а-а, маленькие лекхе.

Он поднял ружье, прицелившись в Яниса. Мальчик задрожал. Его необученный волк поскуливал, прижавшись к ногам хозяина. Молодой охотник издал испуганный возглас и схватился за ствол, дернув его в сторону.

– Ты с ума сошел?! Это же ребенок!

– И что? – с недовольным лицом хромой повернулся к своему спутнику. – Через десяток лет он тебе задницу надерет так, что мало не покажется! Нет, мы договорились не оставлять никого в живых. Ради Майи, помнишь?!

– Но это дети! – не слушая никаких доводов, настаивал молодой. – Они беззащитны! И Майе бы это не понравилось!

– Отстань! – хромой попытался отобрать ружье.

Тогда молодой дернул за ствол так, что главарь едва не повалился. Хромая нога не служила хорошей опорой.

– Ладно, – уступил тот, когда понял, что сила не на его стороне, – как скажешь. Пойдем отсюда.

Главный повернулся, жестом показав спутнику, что им нужно спуститься по лестнице вниз. Не скрывая облегчения, молодой человек бросил прощальный взгляд на мальчика, и пошел.

Янис расслабил плечи.

В этот момент хромоногий поднял ствол и выстрелил без промаха.

С криком молодой бросился в комнату, увидев, что опоздал. В безмолвном ужасе он только повернул к своему спут-

нику лицо с перекошенным провалом рта.

Раздался громкий рев. Младшие дети выбрались из укрытия. Глаза хромого стали холодными как лед. Воспользовавшись растерянностью, он отбросил свое ружье, выхватил оружие из рук сотоварища и с силой оттолкнул того от себя.

Выстрел.

Еще выстрел.

Глава 1

Я не помнила, как оказалась в том райском саду. Полная луна освещала фруктовые деревья, превращая их листья в чистое серебро. В кронах шелестел легкий ветер. Розы пахли так упоительно в ночи. В густой траве мелькали призрачные огоньки светляков.

Я застонала, когда он коснулся меня. Подошел со спины, властно положил руки на плечи. Горячие сухие ладони, такие большие по сравнению с моими. Я закрыла глаза, ощущая, как внутри пробуждается вулкан. Кто бы мог подумать, что это так приятно?

Губы мужчины оказались в невыносимой близости от моего уха. Я почувствовала, как они двигаются, когда он прошептал:

– Будь моей, Кира.

Каждая клеточка его тела призывала меня потерять голову и уступить этой просьбе. Я облизнула губы, наслаждаясь мужскими объятиями. Он нежно поцеловал мою шею.

Соблазн просто невыносимый. Тихий голос. Ласковые прикосновения. Я должна, наконец, испытать это. С ним.

– Да... – прошептала я в ответ и откинула голову на его крепкое плечо.

Мужские руки принялись расстегивать пуговицы на лифе моего платья.

– Да! – отчаянно взмолилась я, когда его руки накрыли мою обнаженную грудь, чуть тронули беззащитные чувствительные соски.

– Я люблю тебя, Кира...

Мой стон утонул в шелесте его прерывистого дыхания. Я начала извиваться в руках мужчины, требуя большего, желая, чтобы он вошел в меня и подарил облегчение этим мучкам.

Но он вдруг схватил меня за плечи и встряхнул.

– Кира, проснись!

В испуге я открыла глаза, не сразу сообразив, где нахожусь. Моя ночная рубашка прилипла к взмокшей от пота груди, от подушки исходил жар. Отец склонился надо мной и повторил:

– Проснись, малышка! Ты пропустишь свой восемнадцатый день рождения!

Я сглотнула, приложила ладонь ко влажному лбу и приподнялась на локте. Ох, в какой неловкий момент застал отец! Этот... сон. Он был так реален! Я почти занялась любовью с каким-то незнакомцем в душном летнем саду, а оказалось, что всего-навсего перегрелась под теплым одеялом в собственной постели.

– Ты постанывала, – заметил отец и заботливо отвел липкую прядь волос от моего лица. – Кошмар приснился?

Я не знала, куда девать глаза.

– Да... кошмар...

Он похлопал меня по бедру, прикрытому одеялом.

– Давай, моя девочка. Солнце уже встало. Ребята готовят тебе какой-то сюрприз, меня на кухню не пустили, – он наклонился и договорил шепотом заговорщика: – Но я все равно имею право поздравить тебя первым.

Я едва не захлопала в ладоши. Если отец приготовил какой-то подарок, то это будет нечто необыкновенное. Он всегда любил меня и баловал так, что иногда мне самой казалось – чрезмерно. Не уставал повторять, какой красавицей я расту и как похожа на маму. Сам тоже оставался видным мужчиной, несмотря на годы. Смоляные волосы были густыми, как у молодого парня. Взгляд серых глаз – острым и умным. Когда он выезжал в город по делам и брал меня с собой – а это случалось непозволительно редко – все женщины на улице смотрели только на него и облизывались, как мартовские кошки.

Но папа остался верен маме и после ее смерти не выбрал себе другую спутницу жизни. Незабвенная Майя – так лирично отец называл ее. Он очень сильно ее любил. Даже больше, чем меня, пожалуй. Мама умерла молодой, поэтому все, что у нас с братьями осталось – это воспоминания и рассказы отца, наполненные светлой ностальгией.

– Что ты мне приготовил? – воодушевилась я, по опыту зная, что папа не сможет долго противостоять соблазну удивить меня.

– Вставай и увидишь, – загадочно ответил он.

Откинув одеяло, я одернула подол ночной рубашки и вскочила на ноги. Моя детская комната показалась вдруг такой крохотной для выросшей меня. Подумать только, мне исполнилось восемнадцать! Я стала взрослой. И внутреннее чутье подсказывало, что отец исполнит, наконец, просьбу. Я умоляла его об этом уже года три подряд и последнее, на чем мы сошлись, это: «Подождем, пока ты станешь совершеннолетней».

Именно предвкушение обещанного события наполняло новый день особенным смыслом.

Отец остался сидеть на краю моей кровати. Он сложил руки на коленях, зачем-то сгорбился как старик и разглядывал меня снизу вверх с болезненной и грустной полуулыбкой. Солнечные лучи падали на круглое настольное зеркало, оставленное мной на подоконнике, и отсвечивали на папино лицо. Раньше я и не замечала, что у него появилось столько морщинок вокруг глаз и тонкие серебристые нитки в волосах.

Смутившись, я схватила со стула приготовленное еще вечером платье и сбежала в ванную. Быстро умылась, почистила зубы и привела в порядок волосы. Переоделась. Отметила, что это нарядное платье надевала всего пару раз. Здесь, в глуши, вдалеке от города, из особых поводов оставались лишь дни рождения близких да Новый Год. И вот теперь платье стало жать в груди. Возможно, этот раз, когда я его надеда, станет последним. Жаль. Транжирить деньги на одежду

не входило в привычки нашей семьи. То ли дело, оружие...

Когда я вернулась, отец все так же сидел на кровати, и по взгляду я поняла, что он витает мыслями где-то далеко в прошлом. Сделав мне знак подойти к большому напольному зеркалу, папа с трудом поднялся. Держась за больную ногу и хромая, подошел ко мне. Что поделать – подагра. Запущенная, потому что мужчины в моей семье и слышать не хотели ни о каких врачах. Терпеть уколы и глотать таблетки казалось им унижительным. Настоящий охотник выздоравливает сам или уходит в могилу, если окажется слабым. Мой дядя, папин брат, вообще уже долгие годы оставался прикованным к постели, а все потому, что не лечил свою подагру в точности, как отец. Иногда по ночам в тишине дома раздавались его мучительные стоны и крики, вызванные очередным приступом. Я с опаской приглядывалась к братьям, ожидая и у них проявления наследственной болезни.

Отец выпрямил спину и встретился взглядом со мной в отражении зеркала. Я затаила дыхание.

– С днем рождения, моя малышка! – ласково произнес он и полез в карман джинсов.

С замиранием сердца я следила в зеркальном отражении за папиной рукой. Блеснула тонкая цепочка. Я плотно сжала губы, чтобы раньше времени не запищать от восторга. Отец опустил мне на грудь продолговатый кусочек железа, укрепленный на цепочке. Бережно перекинул мои волосы на одно плечо, чтобы застегнуть на шею крохотный замок.

– Это та самая пуля? – спросила я, поглаживая подарок. Кусочек казался холодным, но быстро нагрелся от моего тела. – Отлитая из ожерелья мамы?

– Да, – торжественно кивнул отец. – Та самая. Та, что положила начало основанию нашего клана в этом заповеднике. Береги и храни ее.

Конечно, я поняла, что имелось в виду. Наш дом стоял посреди заповедника «Белый камень», а отец числился по документам главным инспектором по охране территории. Мои братья тоже были инспекторами по охране и еще около десятка людей. Но речь шла о клане охотников, одном из самых уважаемых. Частью которого я, наконец, стала.

– Значит, ты посвятишь меня? – спросила я, уже не скрывая радости в голосе. Сердце оглушительно ухало в груди.

Отец поморщился.

– Будь моя воля – никогда бы этого не сделал. Хочу уберечь тебя от этой грязи. Но раз ты так хочешь...

– О, я хочу, папа! Я очень хочу!

– Когда я посвящал твоих братьев, ни секунды не сомневался. Но ты, моя малышка...

– Я готова, папа! Я почти все знаю и умею! – я смущенно опустила глаза, вспомнив, что братья просили не признаваться, что тайком учили меня.

Отец вздохнул с обреченным видом.

– Знаешь ведь, что ни в чем не смогу тебе отказать.

Моя скромная улыбка стала шире.

– Повтори главный закон охотника! – заметив это, с напускной строгостью одернул отец.

– Для нас все равны. Мы поступаем справедливо, – тоном послушной девочки повторила я слова, которые знала лет с пяти.

– Тебе придется нажимать на спусковой крючок. И стрелять не в соломенную мишень, как ты наверняка уже делала прежде.

– Я готова.

Брови отца нахмурились.

– Придется видеть кровь.

– Я готова, – упрямо повторила я. – Мне приходилось резать куриц для супа.

Он постоял, глядя в одну точку так долго, что я начала беспокоиться. Потом похлопал меня по плечу.

– Дай Бог, чтобы ты была готова, моя малышка.

Я оглянулась, пытаюсь понять, к чему он клонит, но отец, хромая, уже направился к двери. Оставшись наедине со своим отражением, я повернулась из стороны в сторону, в очередной раз погладила подарок и, уже не таясь, взвизгнула от счастья.

Когда надоело красоваться перед зеркалом, любопытство разгорелось во мне с новой силой. Что же там готовят братья? Я вышла в полутемный тихий коридор. Небольшое слуховое окно, расположенное в дальнем конце, оказалось открыто. Света здесь в самый солнечный день едва хватало,

чтобы не оступиться и не свернуть себе шею, потому что снаружи рос большой орех, а эти деревья славятся способностью поглощать лучи. Вдоль стены тянулся ряд одинаковых дверей: у каждого члена семьи своя спальня. Деревянная лестница с потертыми перилами вела вниз, на первый этаж.

Я родилась не в этом доме, и понятия не имела, кто его построил, но моя семья прожила здесь много лет. С тех самых пор, как создали заповедник. Не сказать, чтобы я была в восторге от громадного и местами жутковатого жилища, но кто меня спрашивал? Отец ни за что не сменил бы дислокацию, потому что здесь хранилось главное сокровище всего клана. Драгоценная железная жила, расположенная прямо в подвале дома. В ней заключалась сила и преимущество охотников нашей семьи. Из этого же материала было когда-то отлито ожерелье моей матери, а потом – та самая пуля, которая теперь служила знаком моего посвящения в семейное дело.

Сказать, что руда из этой жилы стоила дорого – ничего не сказать. Она считалась бесценной, и аналогов в мире не существовало.

Коснувшись ладонью полированного дерева перил, я начала спускаться вниз, навстречу дразнящим ароматам корицы и ванили. Миновав главную комнату с камином, поспешила на кухню. Из-за двойной двери раздавались взволнованные мужские голоса, грохот посуды и топот ног.

Лукаво ухмыльнувшись, я взялась обеими руками за дверные ручки, чуть помедлила – и распахнула створки на

себя. Трое моих братьев, здоровенные ребята ростом под потолок, забавно подпрыгнули и в мгновение ока выстроились в ряд, закрывая мощными телесами печь. Принюхавшись, я догадалась, что аромат исходил оттуда. На широком кухонном столе красовались мучные разводы, скорлупки от яиц и яблочная кожура. То же самое, но в меньшем количестве, валялось на полу под ногами моих незадачливых братьев. В раковине высилась такая гора перепачканной посуды, что я только скрипнула зубами, представив, сколько времени буду ее мыть.

– И что здесь происходит? – строго поинтересовалась я, оглядывая «святую» троицу.

– Тебя здесь быть не должно! – заявил Николай, самый старший из братьев.

Он знал, что когда-нибудь станет главным вместо отца, поэтому редко снисходил до того, чтобы с кем-то любезничать. Коля и внешностью пошел в папу. Если ему удавалось вырваться в город под каким-нибудь предлогом, то возвращался он обычно с покусанными губами и следами от бурной страсти на спине и шее. Девушки наверняка дрались за возможность провести с ним ночь. Коле давно пришла пора жениться, но он не торопился этого делать, предпочитая не останавливать выбор ни на ком конкретном.

– Еще очень рано! – протянул Илья, который был погодкой Николая и его правой рукой. Он старался ни в чем не уступать нашему старшему брату. Ходили слухи, что в горо-

де у него есть девушка, но точно этого не знал никто.

– Меня папа разбудил, – пояснила я.

– Мы готовили тебе сюрприз, – смущенно улыбнулся Костя. Он опередил меня по рождению всего на два года и, как и я, унаследовал более мягкие черты лица от мамы.

Я оглядела их «борцовки» и шорты. Скептически притопнула ногой.

– Это вы сразу после утренней пробежки, что ли, сюда отправились?

Мои прекрасные и мужественные родственнички зарделись, как красны девицы.

– По рецепту пирог печется сорок минут, – отозвался Костя.

– Но мы не знали, что приготовление теста займет столько времени, – приуныл Илюшка.

Я только закатила глаза.

– Руки хоть помыли перед тем, как здесь бардак устраивать?

Растерянные взгляды были красноречивее любых слов. Я вздохнула. Что поделать – мужчины. Да не какие-нибудь, а суровые охотники, приученные к похлебке из котелка, сваренной на скорую руку.

– Отец решил тебя посвятить, – заметил Николай и прищурился. Мягкой кошачьей походкой он обогнул стол и приблизился ко мне. Кончиками указательного и большого пальцев аккуратно взял пулю на цепочке. – Ты не проболталась

ему, надеюсь?

Именно Коля первым показал мне, как пользоваться ножом, как делать скользящий узел из веревок и как освежевать пойманного барсука. Он оставался строгим старшим братом, но смог стать терпеливым наставником. Он заставлял меня не плакать из-за разбитых коленок и купаться в ледяной реке с апреля по октябрь. Если бы отец узнал – непременно получил бы сердечный приступ. Для него я оставалась нежной и ранимой девочкой, тщательно оберегаемой от любых невзгод. Сбитые коленки приходилось прятать под джинсами, а коллекцию охотничьих ножей – под матрасом.

– Не проболталась, – покачала я головой. – Думаю, папа захочет сам меня учить.

– Поддавайся, – согласился брат. – Упади пару раз и поплачь. А то он с нас живьем шкуру спустит.

Все трое переглянулись. Их опасения я понимала. Отец был очень мягок со мной, но с остальными обычно не церемонился. В клане царила жесткая дисциплина.

– А вообще, с днем рождения, сестренка, – старший брат сжал меня в медвежьих объятиях так, что ребра хрустнули. – Это тебе. От нас.

Он вынул из кармана шортов и протянул мне на ладони серьги. Небольшие рубины вспыхнули в обрамлении золота.

– Мы хотели запечь их в пирог и сделать сюрприз еще сюрпризнее, – признался Костя, – но передумали.

– И слава Богу! – выдохнула я и тут же примерила пода-

рок.

Серьги оказались легкими, а застёжки – удобными. Не пришлось долго мучиться, чтобы надеть. Обняв по очереди остальных братьев, я покинула кухню. В такой день просто не сиделось на месте.

В прихожей я накинула легкую джинсовую куртку, вышла на крыльцо и огляделась. Это утро пахло сыростью и прохладой наступающей осени. Еще немного мхом – уж его-то имелось в избытке на нашей земле. Стоило отойти чуть дальше от дома, исхоженных троп и углубиться в лес, как я словно попадала в параллельный мир. Нежно-салатовые ажурные плетения мха стелились по стволам деревьев, а более темная, чаще всего буро-зеленая, масса походила на гигантский ковер, брошенный на землю. Мох оплетал кусты, свисал с веток, превращая их в фигуры чудовищ, протянувших лапы к неосторожному путнику. Особенно обильно он рос на берегах реки.

Отец любил говорить, что мох – это хищник, он питается кровью и плотью, погребенной под землей. Похоже, папа просто пугал меня, чтобы не уходила далеко. Все знали, что бояться надо только лекхе. А лекхе в заповедник не заходили по одной простой причине – никто в здравом уме не сунется на территорию врага.

Я поежилась и потеряла плечи. Из кузницы раздавался лязг металла. В нашем клане производили единственное в своем роде оружие против лекхе. Пули и ножи. Иногда к отцу при-

езжали представители других охотничьих кланов на переговоры. Ходили слухи, что некоторые преодолевали ради этого полстраны. Большие черные тонированные джипы, как на подбор, выстраивались у нас во дворе.

В такие моменты мне обычно приказывали сидеть в своей комнате и «не отвечивать», как сказал бы Костик. Меня прятали от угрюмых чужаков с тяжелыми взглядами, уж не знаю по какой причине. Может, потому что была единственной девушкой среди целой компании мужчин? Других женщин, кроме меня, в заповеднике не проживало. Возможно, отец считал любимую дочь своим слабым местом и не хотел показывать тем, кому не доверял. Но я все равно подглядывала за происходящим через слуховое окно в коридоре и подслушивала с верхней ступеньки лестницы. Гости запирались с отцом в кабинете, а позже уезжали с одним-двумя ящиками нашего оружия. Папа никогда не продавал много, хотел сохранить монополию. Я узнала это, когда подслушала, как он делился опытом с Николаем после отъезда очередных покупателей.

Пока я стояла и дышала свежим воздухом, из курятника показался дядя Миша с корзинкой, наполненной доверху свежими яйцами. Его рыжеватая борода росла клоками, а неизменная старомодная курительная трубка постоянно дымилась в зубах. Бывший охотник, он остался в клане после того, как при очередной облаве фамильяр какого-то лекхе располосовал ему правую руку, раздробил кости, порвал

мышцы и сухожилия. Руку удалось спасти, но она стала сухой, непропорциональной и малоподвижной, а на карьере охотника пришлось поставить крест. Отец не стал его выгонять, и теперь дядя Миша занимался хозяйством. Своей семье он не завел, поэтому относился ко мне, как к дочери. Именно он научил меня готовить, следить за домом и являлся чем-то вроде нашего домоправителя.

Попыхивая трубкой, дядя Миша вразвалочку подошел ко мне.

– Смотри, что курочка снесла.

Придерживая корзинку слабой правой рукой, левой он взял одно из яиц и протянул мне. С недоумением я взяла его и повертела. Тяжелое. Тяжелее, чем должно бы быть. В глаза сразу бросилось, что верхушка у скорлупы была аккуратно отпилена, а потом приклеена обратно.

– Да ты разбей, разбей, не бойсь, – предложил дядя Миша, а его глаза хитро сверкнули. – На кухне хотел тебе положить, но там мальчишки хозяйничают.

– Ага, потом убирать полдня придется, – приуныла я.

– Ничего, хозяйюшка, уберем. Уберем вместе, – подбодрил он, – сегодня праздник у тебя, мы все радуемся. И тебя порадовать хотим. Как умеем.

Я нагнулась и аккуратно стукнула хрупкую скорлупу о край ступеньки крыльца. Выпрямилась и принялась отщипывать кусочки. На ладонь выпал округлый полупрозрачный камень. Оставаясь в центре матовым, по краям от отсвечи-

вал синевой и явно относился к категории полудрагоценных.

– У реки как-то нашел, – пояснил дядя Миша, – когда ходил ежевику собирать. Вот и приберег до лучших времен.

– Спасибо! – я положила камень в карман куртки и от души поблагодарила охотника. Впрочем, каждый раз он дарил мне что-то сделанное своими руками. Деревянные фигурки животных, например. Страшно подумать, с каким трудом давалась ему резьба по дереву, если учесть непослушные пальцы правой руки.

– Я вечером ужин сам приготовлю. Поросенка зажарим, бражки откроем... – мечтательно протянул дядя Миша.

Его последние слова потонули в звуке сирены.

От неожиданности рука старого охотника разжалась, и корзинка с яйцами полетела на землю. Из кузницы выбежали люди, еще несколько показалось из-за угла амбара.

Тревога?!

Я уже забыла, когда слышала этот звук. Может, около пяти раз за всю жизнь, не более. И то, очень давно.

На крыльце появился отец. Деловой и собранный, он застегивал на ходу куртку. На поясе я увидела ножны, за плечом – охотничье ружье.

– Кира! – приказал он. – Быстро в дом. Ни в коем случае не выходи. Михалыч! – он ткнул пальцем в домоправителя. – Проследи.

– Конечно, – тот поспешил подобрать корзинку, сетуя себе под нос, что яйца превратились в липкую жижу.

– Папа, а что случилось? – удивилась я.

Отец пропустил мой вопрос мимо ушей. Он уже отдавал приказание своим людям. Во дворе поднялась суета. Ворота гаража распахнули. Два «УАЗа» грозно взревели моторами и выехали во двор. Отец не зря поддерживал дисциплину. Мenee чем за пять минут вооруженные люди заняли свои места. Мои братья, уже переодетые в куртки, джинсы и удобную обувь, выбежали на крыльцо.

– Кира, прости, пирог надо выключить через пять минут, – успел на ходу бросить Костя.

Я только растерянно посмотрела, как парни бегом пересекают двор и прыгают в машину позади водителя.

– Пап! – окликнула отца, который собирался уходить. – Ты мне ответишь?

– В дом, Кира! – коротко бросил он через плечо.

– Но я теперь тоже охотник! Я имею право знать!

Отец остановился на полпути, словно споткнулся. Помедлил всего пару минут, обернулся с лицом, перекошенным от злости. Припадая на больную ногу, сделал пару шагов ко мне и застывшему рядом дяде Мише.

– Лекхе прорвали периметр, – сказал он, глядя мне в глаза. – Нагло и не таясь.

– Может, заблудились? – предположила я.

Лекхе? Забрели в заповедник? Да они в своем уме?!

– Заблудились? – усмехнулся отец. – И разбили видеокамеру через несколько секунд после того, как она успела за-

снять их лица и фамильяров, готовых к бою? Нет, это вторжение.

– Я поеду с вами, – спохватилась я, начиная дрожать от возбуждения.

– Нет, Кира! Ты сидишь дома с Михалычем!

– Но папа!

И снова мне пришлось прикусить язык, чтобы не проболтаться. А ведь могла оказаться полезной! И кроме того... лекхе. Живые лекхе! Я никогда не видела живого лекхе и просто умирала от любопытства на него посмотреть.

Отец редко не шел навстречу моим просьбам. Я скорчила жалобную умоляющую гримаску, но он схватил мою пулю на цепочке и крепко сжал в кулаке. Я испугалась, что папа сейчас сорвет ее с меня, и замерла.

– Не заставляй меня расстраивать тебя в твой день, Кира, – пригрозил он.

Именно этого взгляда и этого тона голоса боялись мои братья. Все, даже Николай. Видимо, отец не на шутку обеспокоился, раз решил поговорить так и со мной. Я покорно опустила голову.

– Хорошо.

– Молодец, моя девочка, – смягчился он и разжал кулак. Пуля мягко легла на свое место. – У тебя впереди будет еще много облав. Иди и готовься к празднику.

Хромая сильнее обычного, потому что торопился и не берег ногу, отец добрался до машины и хлопнул дверью. Один

за другим автомобилем сделали круг по двору и умчались прочь. Наступившая тишина зазвенела в моих ушах. Дом и двор словно вымерли.

Я едва не взвыла от обиды. Пока где-то происходили волнующие события, меня в день посвящения в охотники обрели оставаться в компании покалеченного старика и дяди, прикованного в постели.

Дядя Миша поспешил завести меня в дом. Сопротивляться я не стала. Зачем? Никто не признает во мне охотника, если не покажу, что понимаю иерархию семьи и умею подчиняться приказам. Мимоходом заглянув на кухню, я вытащила из печи злополучный пирог, накрыла полотенцем и оставила остывать. Затем побрела к лестнице.

Где-то в глубине дома раздавалось покашливание дяди Миши. В воздухе еще витал запах его табака. Я положила ладонь на перила и перешагнула нижнюю ступеньку, которая всегда скрипела, если на нее наступить. То же самое происходило и с верхней, и за все годы проживания здесь я приобрела странную привычку их перешагивать. Наверно, сказались шпионские наклонности в подслушивании и подглядывании за родными. Я умела быть бесшумной, когда требовалось.

Добравшись до второго этажа, я вдруг почувствовала что-то неладное. Сначала не могла даже самой себе объяснить, что не так. Просто внутреннее чутье заставило замереть на месте. Что-то в доме изменилось. Я столько времени провела

в этих стенах, что по малейшему дуновению ветерка из окна могла определить, в какой из комнат оно приоткрыто. И судя по сквозняку, скользнувшему по ногам, оно было приоткрыто в моей спальне.

Но я совершенно точно оставляла его закрытым на ночь, а утром даже не притронулась к задвижке.

Такого выброса адреналина в кровь я не ощущала еще никогда. Тело охватила дрожь, все волоски встали дыбом. В голове словно включился аварийный механизм, призывающий сохранять хладнокровие. Спасибо наставничеству Николая. Продолжая держать руку на перилах, я оглядела коридор. Дверь в мою спальню была открыта на одну четверть – ровно так, как я ее оставила.

Шаги. Послышались шаги в моей комнате. И это точно не мог быть кто-то из домашних, потому что все уехали по сигналу тревоги.

Потребовалось несколько секунд, чтобы бесшумно скользнуть вдоль стены и открыть дверь спальни Костика. С младшим братом мы были близки достаточно для того, чтобы я точно знала, где он держит свое запасное оружие. Петли коротко скрипнули. Едва слышно, но я застыла, глотая испуганное прерывистое дыхание и повернув голову в сторону своей комнаты.

Услышали ли меня? Успею ли я?

Дом оставался погруженным в безмятежное спокойствие. Тогда я прокралась в комнату брата, отыскала его писто-

лет. Еще один громкий щелчок, чтобы перевернуть затвор. Я поморщилась, но без этого было не обойтись.

Осторожно ступая по старым деревянным доскам пола, я вернулась к своей двери. Медленно, очень медленно надавила на нее, чтобы открыть пошире. Моя правая рука с пистолетом дрожала, готовая в любой момент применить оружие по назначению.

Как и предполагала, кто-то открыл окно. Это меня не порадовало. К стене с внешней стороны дома прилегали хозяйственные постройки, и достаточно ловкому человеку не составило бы труда забраться на их крышу, а оттуда – в любое окно второго этажа.

Толкнув дверь еще немного, я увидела мужчину. Он стоял боком ко мне и оглядывал мою комнату так, будто находился в музее и изучал древние реликвии. Я услышала сдавленный вдох и увидела, как незнакомец провел ладонью по лицу, словно пытался стереть видения, возникшие перед глазами.

Ростом он мог посоперничать с любым из моих братьев. Да и одет был вполне обыденно: куртка и джинсы. Светлые волосы какого-то невообразимого пепельного оттенка падали на его лицо. Большинство прядей были заправлены за уши и доставали до края воротника куртки. Правильные мужественные черты лица заставили бы меня подумать, что это ангел. Но ангелы не влезают в чужие окна, а их глаза не выражают такую яростную сосредоточенность.

Я поняла, что пришла пора действовать.

– Руки! – уже не таясь, я толкнула дверь так, что она ударилась о стену, и вышла вперед, нацелив пистолет в лицо незнакомца. – Ты кто такой?

Он резко обернулся ко мне. Сразу стало понятно – не ожидал застать кого-то в доме. Я порадовалась, что соблюла эффект внезапности.

– Это ты кто такая? – его голос был низким и достаточно волнующим, чтобы моя спина неожиданно взмокла.

Я поудобнее перехватила рукоять пистолета, показывая, что не намерена шутить.

– Кто я такая? Ты забрался в мой дом, и еще спрашиваешь, кто я такая?!

– В *твой* дом?! – незнакомец казался удивленным и рассерженным одновременно.

– В мой дом, – повторила я как можно тверже. – В дом моей семьи. В дом моего отца.

Он сделал всего один шаг, но этого мне хватило, чтобы схватить пистолет уже обеими руками. Господи! Только бы чужак не заметил, как прыгает мушка!

– Как зовут твоего отца? – прорычал он, не спуская с меня глаз.

Я подумала, что незнакомец просто не понимает, куда попал.

– Григорий.

– А Дмитрий?

– Мой дядя.

Мужчина издал какой-то странный полувсхлип-полурык и в два шага оказался возле меня. Дуло моего пистолета уперлось ему прямо в лоб и впилось в кожу. Я уставилась на него во все глаза, осознав, что он просто свихнулся.

– Так ты – дочка охотника? – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, протянул этот странный чужак, нависая надо мной.

Он прекрасно понимал, куда попал.

– Я сама охотник, – произнесла я и только тогда спохватилась, что мои губы дрожат.

Мужчина презрительно фыркнул. Похоже, он совершенно не испытывал страха, хотя мой палец лежал на спусковом крючке, а рука тряслась так, что я могла нажать и ненароком разнести незнакомцу полголовы.

Но, как ни странно, я поняла, что мне не хватит сил нажать. Слова отца, сказанные утром, неожиданно всплыли в памяти. Так вот о чем он говорил!

Выстрелить в живую мишень гораздо сложнее, чем в учебную.

Внезапная догадка заставила вздрогнуть. Я вытянула шею в попытке заглянуть незнакомцу за спину.

– Что-то потеряла? – с издевкой произнес он.

– Твоего... – мои губы пересохли, и я сглотнула. – Твоего фамильяра.

Об этих тварях ходили страшные рассказы. Да я и сама

видела, что стало с рукой дяди Миши. Не говоря уже о смерти мамы. Фамильяры – это чудовища, которых невозможно убить. Нет в мире такого оружия, которое способно навсегда уничтожить этих зверей. Они существуют, пока жив их хозяин.

– Его нет, – успокоил меня чужак. – Как видишь.

– Да? – неожиданное облегчение накрыло меня с такой силой, что руки обмякли и опустились. – Значит, ты не лехе?

Его взгляд медленно прошелся по мне сверху вниз.

– Тебя это радует или огорчает?

Я не нашлась, что ответить. Лехе он или нет, но что ему понадобилось в этом доме?!

Сильно надавливая, незнакомец вдруг провел большим пальцем по моим губам. Я даже почувствовала, как грубая подушечка коснулась края зубов. Дернулась, зашипев от страха и возмущения. Он без труда удержал меня на месте. Выражение его глаз я не знала, как трактовать. Всю жизнь провела среди мужчин, но все они смотрели с уважением или любовью. Этот же разглядывал так, будто хотел сотворить со мной нечто ужасное.

Я спохватилась, что очень рано убрала пистолет, но незнакомец опередил мой порыв. Одним движением он перехватил оружие и отбросил в сторону.

– Твой отец, наверно, очень тебя любит, – пробормотал мужчина.

Я вздрогнула от прикосновения к своей шее. Похоже, на-

ступило время звать на помощь. Но кого? Однорукого дядю Мишу? Против этого полного сил чужака?

– Мой отец убьет тебя, если меня тронешь, – прошипела я из последних сил.

Мужские пальцы сжались на моей шее, перекрывая доступ кислороду.

– Он уже пытался. Раньше, – я ощутила, как двигаются губы незнакомца, когда он прошептал эти слова в мое ухо.

Я забилась в попытке вырваться. Совершенно не понимала, о чем чужак толкует. Какое ему дело до моей семьи, если он не лекхе? Мой отец пытался его убить? Да если бы мой отец только попытался, этот незнакомец был бы уже мертв!

Мужчина отпустил, и я судорожно глотнула воздуха. Он воспользовался паузой и уставился на мою грудь. Я попыталась отступить, когда чужак потянул руку. Оказалось, его внимание привлекла пуля на цепочке. Едва пальцы мужчины коснулись ее, как он с шипением отдернул руку.

– Ты – лекхе! – невольно воскликнула я.

Он схватил меня за плечи, рывком повернул спиной к себе и взял в захват. Я не могла поверить, что так позорно попала.

– Кто еще в доме? – прорычал чужак мне в ухо.

– Ты лекхе! Где твой фамильяр?

– Кто в доме? – он хорошенько потрянул меня так, что клацнули зубы.

– Все... в доме все... они сейчас придут и застрелят тебя.

Где твой фамильяр? Почему его не видно?

– Врешь. Все уехали. Я наблюдал за ними. Вот только ты оказалась полным сюрпризом. Еще сюрпризы будут?

Требовалось срочно потянуть время. Отец должен вернуться. Вот-вот. А по поводу отсутствия фамильяра можно поразмышлять и позже

– Значит, вторжение было обманным маневром? – дрожащим голосом начала я. – А я еще удивилась, почему это лекхе стали такими наглыми! Все для того, чтобы ты мог обратиться сюда.

– Так кто-то еще есть?

Я поколебалась всего пару секунд.

– Нет. Никого больше. Только я.

– Хорошо. Ты мне поможешь. Где находится железная жила?

Он прижимал меня к своему крепкому телу, но боли пока не причинял. Это подарило надежду, что, возможно, все обойдется.

– Она... истощилась, – соврала я. – Зачем тебе жила? Это же единственное, что может убить лекхе!

– Вот ты сама на свой вопрос и ответила, – пробормотал он и подтолкнул меня к двери. – А теперь еще раз, только честно: где жила? Я слышу, когда ты врешь, по сердцебиению и дыханию.

Я молчала, не зная, что предпринять.

– Ответишь честно, и я подумаю, оставить ли тебя в жи-

вых, – его рука больно стиснула мою талию.

Он... на самом деле собирается меня убить?!

– Она истощилась, но осталась пара кусков, – предприняла я новую попытку. – У отца в комнате. Могу отдать их тебе.

Сказав это, я заставила себя дышать глубоко и ровно. Никто и никогда не убедит меня предать клан и открыть правду этому лекхе.

– Хорошо, – мужчина, похоже, поверил, – покажи мне их.

Он вынудил меня семенить перед собой, продолжая контролировать каждое движение. Таким образом мы вышли в коридор. Здесь по-прежнему чувствовался запах трубки дяди Миши, и я молилась лишь о том, чтобы чужак не заметил ничего подозрительного. Он не был знаком с этим домом и его обитателями так, как я, что давало преимущество.

Кивком головы я указала в сторону самой дальней двери по коридору. Мужчина подтолкнул меня туда. Все время, пока мы преодолевали жалкие несколько метров, я лихорадочно придумывала план спасения.

И, кажется, придумала.

Незнакомец остановился на пороге. Твердый подбородок коснулся моего затылка, когда он повернул голову, чтобы оглядеться. Мою спину будто молнией пронзило. Если он такой же сильный, как любой из моих братьев, то мне придется несладко.

На стене в комнате отца висели клинки, кровать всегда была аккуратно заправлена темным стеганым покрывалом,

всюду царил порядок.

– И где? – потребовал чужак.

– Сейф. В стене. Вон там.

Я указала на металлический шкаф в противоположном конце комнаты. Получила толчок в спину.

– Открывай.

Я рванулась, стараясь не повизгивать от страха. Метнулась к стене с оружием, сорвала с крючка тяжелые железные кандалы на короткой цепочке, развернулась вокруг себя. Незнакомец не успел и рот открыть, как кандалы защелкнулись на его запястьях. С рычанием он дернул руками в стороны, желая их порвать, но только вскрикнул от боли.

Я попятилась и схватила со стены длинный нож, выставив его перед собой. Чужак уставился на меня с ненавистью и изумлением. Понял, что недооценил свою пленницу.

– Кандалы из того же железа, что и моя пуля. Они обессиливают любого лекхе, – процедила я и кивком указала на дверь. – Живо в коридор. И чтобы без фокусов. Внизу тебя уже ждут.

Мужчина прищурился, но послушно вышел обратно. Что ж, ему нельзя было отказать в здравом смысле, несмотря на все выходки. Я сглотнула, гадая, как долго смогу управляться с этим великаном, пока он сообразит что к чему и попытается задушить меня цепью своих кандалов, когда с первого этажа вдруг послышалось веселое насвистывание.

– Дядя Миша! – завопила я с облегчением. – Срочно сюда!

Я поймала лекхе!

Теперь, когда кандалы обессиливали незнакомца, вдвоем мы могли с ним справиться.

Глава 2

Не на такой исход Ивар рассчитывал, когда планировал небольшую разведывательную операцию.

В последний раз он попадал в подобную заварушку лет в пятнадцать. Угрозило же тогда нарваться на охотничью облаву неподалеку от гетто, куда Ивар с друзьями тайком пробрался к местным девчонкам. Охотники загнали мальчишек в подвал какого-то полуразрушенного строения и принялись забрасывать дымовыми шашками, надеясь выкурить по одному. Ивар пошел первым и, глотая слезы от едкого дыма, притворился напуганным городским мальчиком, которого заманили сюда коварные лекхе. Убедившись, что фамильяра у него нет, охотники развесили уши и купились на историю. Пока Ивар водил их за нос и тянул время, его друзья нашли выход с противоположной стороны здания и сбежали.

Жаль, что теперь все не разрешилось так просто. Он сам подставился, схватившись за проклятый кусок железа на шее охотницы и выдав этим себя.

Почему же никто в городе не знал, что у охотника есть дочь?! Ивар потратил целых две недели, ошиваясь по местным барам и беззастенчиво пользуясь тем, что без фамильяра его принимают за обывателя. Старая проверенная уловка. Он посидел с кружкой пива неподалеку от одной компании, дал «на лапу» бармену в другом заведении и прикинул-

ся наемником в поиске работодателя. И вот уже выяснил, что на месте глухомани, где когда-то располагался отчий дом, теперь находится заповедник, а по факту – закрытая территория с вооруженной охраной. Даже примерное количество людей сболтнули. Не стала тайной и цена на оружие. Но ни одна живая душа не призналась, что в доме обитает дочь охотника.

Ему всего-то и надо было, что разведать местоположение жилы! Никто не знал достоверно, где она находится, кроме покойного отца. Ивар мог только догадываться, что заповедник вокруг его дома соорудили не зря. Он бы вернулся позже, тщательнее подготовленным, с приличным количеством людей, и отнял бы то, что полагалось ему по праву рождения.

Но все карты спутала какая-то девчонка!

Ивар, конечно, сам допустил оплошность. Стоило влезть в комнату – и перед глазами поплыли неясные видения прошлого: скрип ступеней лестницы, чей-то плач, выстрелы. Всю жизнь ему говорили, что он слишком мал, чтобы помнить, но в тот момент воспоминания, казалось, сами ворвались в его голову и ненадолго выбили из колеи.

А потом появилась она.

И Ивар второй раз подряд оказался выбит из колеи. С первого взгляда. Он сам не ожидал, что внутри все так внезапно оборвется, стоит только посмотреть на перепуганную пигалицу с опасной игрушкой в руках. Глаза девчонки были расширены от страха, а над верхней губой выступила испарина.

Да сколько ей, вообще, лет? В первый момент он даже, грешным делом, принял ее за горничную. Правда, быстро отмел эту абсурдную версию. Она держалась слишком по-хозяйски в комнате, которая когда-то была его детской. А еще Ивар успел заметить все эти женские штучки: зеркала, косметику, украшения. Нынешняя владелица комнаты отчаянно храбрилась, но Ивару хватило двух секунд, чтобы заметить, как ходит ходуном дуло пистолета. Он мог бы сразу же обезоружить ее. Не стал делать этого лишь потому, что побоялся не совладать с собой в порыве и переломать ей пальцы. В ушах еще звенели выстрелы и крики из его прошлого.

Девчонка оказалась хорошенькой. В ее густые каштановые волосы хотелось зарыться лицом, а пухлые губы так и манили для поцелуя. Ивар успел оценить стройные ножки и высокую грудь. Он сам не ожидал, что ему так отчаянно захочется вонзиться в ее влажные глубины до самого предела. А когда она назвала имя отца, захотелось ее придушить. К своему ужасу Ивар даже допустил мысль, что оба этих действия он мог бы проделать одновременно и получить двойное удовольствие.

Он тихо выругался, когда пришел в себя после сильного удара в висок и обнаружил, что его, как свиную тушу для разделки, подвесили за руки на толстой нижней ветке одинокой сосны чуть поодаль от дома. С места, где Ивар болтался, открывался вид на хозяйственные постройки и окна второго этажа. Машины охотников, те самые, которые он ви-

дел, когда занял наблюдательную позицию на холме, стояли у въезда во двор.

Он попробовал пошевелиться и невольно зашипел. Запястья горели, охваченные кандалами, а пальцы ног едва касались земли. Плечевые суставы саднило от необходимости удерживать на руках собственный вес. А еще его раздели. Оставили, в чем мать родила. Ивар прекрасно понимал, почему. Если его не убьют до заката, а решат просто бросить в таком виде здесь, то ночью он сам замерзнет насмерть. Разница дневных и ночных температур была весьма ощутимой в этих местах.

Мелькнула паническая мысль: что с его друзьями? Где Байрон и Лекс? Живы ли они? Успели ли удрать от охотников, как и планировали? Ведь он просил всего лишь послужить приманкой, отвлечь, пробежаться вдоль периметра и тут же уходить лесом, ждать его возвращения в условленном месте, возле машины.

Ивар попробовал оглядеться, но увидел только двух верзил в кожаных куртках, рассматривавших его со стороны, как диковинное животное. Впрочем, для них он и считался самым настоящим животным, несмотря на то, что не имел шерсти и выглядел, как человек. Если бы они поймали волка и подвесили за лапы, то наверняка так же изучали бы добычу, ее размеры и окрас.

Заметив, что пленник очнулся, оба охотника приблизились. Ивар быстро отвел взгляд, уставившись прямо перед

собой. В отличие от своих соплеменников, выдавших в жизни, разве что, стены гетто, он довольно много времени провел среди таких, как эти двое, и инстинкт самосохранения настойчиво твердил, что нарываться по пустякам не стоит.

У него слишком грандиозные планы возмездия, чтобы губить все из-за собственной глупости.

– Как тебя зовут? – один из охотников хлестнул Ивара по щеке. Удар не сильный, скорее предупреждающий, что в случае неповиновения последуют другие, уже более весомые.

Ивар на мгновение перевел взгляд на охотников. Коротко стриженные виски и затылки, свирепо выдвинутые челюсти. Обычные представители когорты, считающей себя хозяевами мира. Но глаза... что-то в лицах мучителей показалось Ивару знакомым. Что-то неуловимое. Он силился это понять и поэтому засмотрелся дольше, чем хотелось. Следующий удар был уже не ладонью, а кулаком.

– Глухой? Имя!

Ивар снова напустил на себя отрешенный вид, поймав кончиком языка каплю крови в углу губ.

– Молчит, – прокомментировал второй охотник, на полголовы ниже.

– Заговорит, – уверенно ответил первый, а потом снова обратился к Ивару. – Как ты пробрался к дому? Как прошел мимо видеокамер по периметру?

Ивар мог бы поведать, как ледяная вода реки заставила онеметь все, что у него имелось ниже пояса, пока он брел

вверх по течению со свертком своей одежды на плече. Но вместо этого только многозначительно отвел взгляд в сторону. Если убийцы не догадаются сами, а ему удастся все-таки вырваться, подобный запасной путь еще пригодится.

– Думаю, по-хорошему не получится, – прищелкнул языком первый охотник.

– Отец же сказал не трогать его самим! – поторопился возразить второй.

Ивар напрягся. Отец. Не тот ли это человек, чью шкуру Ивар так отчаянно мечтал спустить?

– Не трогать?! – взревел первый. – Да он напал на нашу сестру! Когда нас не было рядом. Кто знает, что он собирался с ней сделать? Ему за это яйца мало отрезать!

Сестру. Вот почему глаза показались знакомыми. Эти два амбала – братья той девчонки, при мысли о которой Ивар испытывал отвращение вперемешку с желанием поймать. Он точно знал, что сделал бы с ней, будь у него возможность. Уложил бы на спину, раздвинул ей ноги и вонзился между них без всякой жалости. А потом лично вырвал ей сердце. Проклятая семейка, где каждый – его, Ивара, персональный враг.

– Кира может за себя постоять, сам знаешь. И она сказала, что у него не было фамильяра, – напомнил второй.

Упоминание женского имени заставило Ивара снова прислушаться к разговору.

– До того, как она надела кандалы? – не поверил первый.

– До того, – кивнул его собеседник.

– Но... как?!

Охотники недоверчиво покосились на Ивара. Выражением лица он в очередной раз дал им понять, что они могут играть в угадайку, сколько душе угодно. Все равно им запретили его трогать, и это давало преимущество. Но что будет, когда придет их так называемый отец? Ивар старался пока не думать. Один раз, в детстве, он столкнулся с убийцей – и выжил. Второй раз он просто обязан это сделать!

– Дай-ка, кое-что попробую... – первый охотник выхватил из-за голенища сапога небольшой нож и шагнул в Ивару.

Грудную мышцу пронзила резкая боль, когда лезвие рассекло кожу. Ивар непроизвольно дернулся и замычал сквозь стиснутые зубы. Струйки крови защекотали живот, несколько капель шлепнулось на бедро.

Охотники с интересом уставились на его тело.

– Заживает... – почему-то шепотом прокомментировал второй и округлил глаза.

– Он же в кандалах! – поморщился первый и на всякий случай посмотрел наверх, туда, где были стянуты руки Ивара.

– Он в кандалах, – подтвердил второй, – они обессиливают его! Как он исцеляется сам и без фамильяра?!

Их недоумение вполне можно было понять. Фамильяры не только защищали своих хозяев, но и обладали способностью залечивать их раны, делиться своей неиссякаемой жиз-

ненной силой. Правда, проклятое железо из особенной руды лишало возможности призвать фамильяра. Скованный лекхе оставался беспомощным, слабым и лишенным своего непобедимого помощника, который просто-напросто исчезал. Поэтому тех, кого не желали убивать сразу, охотники заковывали. Это давало им возможность вдоволь поиздеваться над жертвой, которая не могла ничего сделать в ответ. Ивару доводилось видеть то, что оставалось от лекхе после подобных издевательств. Стоило только забрести в какую-нибудь глухомань – и вуаля. Но Ивар мог поклясться, что такого экземпляра, как он, его враги еще не видывали. С детства он научился по максимуму использовать свое преимущество, и теперь осталось только придумать, как выкрутиться в очередной раз.

К этому времени его кровь уже перестала течь, и остался лишь легкий дискомфорт от влажных следов на коже, обдуваемых ветерком.

– Может, кандалы на него не действуют? – с сомнением предположил первый.

– Да как не действуют?! Кира бы с ним не управилась без них. Даже с помощью Михалыча. Смотри, какие бицухи нарастил.

Ивар подавил желание рассмеяться врагам в лицо и только наблюдал за их попытками строить версии. Правда, желание смеяться быстро пропало, когда охотник убрал нож обратно и выхватил из-за пояса другой, потяжелее.

– А если так?

Ивар дернулся и едва не взвыл от прикосновения особого железа. Казалось, его полоснули жидким огнем. Крови было больше, и боли тоже. Ненависть к мучителям просто захлестнула мысли, уронив на глаза красную пелену. Он представил, как вырывает им глотки, одному за другим, и принялся прокручивать эту картинку в голове снова и снова, чтобы не сойти с ума и цепляться хоть за какой-то ориентир.

– Не заживает, – с довольным видом подытожил первый, поигрывая ножом.

Второй склонился и изучал рану. Скопив глаза, Ивар мог видеть его темноволосую макушку у своей груди.

– Заживает, – наконец, протянул охотник после минутного созерцания, – только медленно...

Глава 3

Майя... ах, моя Майя! Твоя дочь сегодня стала совершеннолетней. Подумать только – восемнадцать лет прошло с тех пор, как эта кроха появилась на свет! Помню, как ты радовалась, как целовала ее крохотные пальчики. Она так напоминает мне тебя в этом возрасте. Свежая, сочная, такая юная...

Она совсем еще ребенок, твоя повзрослевшая дочь. У нее глаза, в которых можно утонуть. У нее мягкий характер. Твой характер, любовь моя. Мне нравится, что она растет послушной. Ведь ты была другой, Майя. О, да. В ее годы ты уже родила мне сына. Нашего первенца. Я всегда знал, что ты родишь мне прекрасных детей, моя Майя...

Помнишь, как все начиналось? Мы с тобой сразу поняли, что предназначены друг другу. Ты, дочь старейшины нашего клана. И я – сын его первого помощника и ближайшего друга. Правда, был еще мой брат... но мы-то с тобой понимали, что на пути нашей любви не встанет никто другой. Родители просто ждали, пока ты повзрослеешь. Ты была такая юная. Я уже получил посвящение в клан и мог взять жену, но ты оставалась нераспустившимся бутонем, и мне оставалось считать годы до той поры, когда мы разделим ложе.

Когда дети вырастают, у стариков остаются лишь их

воспоминания. Я люблю воскрешать в памяти, как ты ходила по главной улице нашего поселения. Это теперь там город. Большой, шумный. Совсем другой. Наши отчие дома давно снесли и построили новые. Но вот та улица, по которой ступали твои хорошенькие ножки, Майя, осталась. И перемен не надо бояться, Майя. Те отродья, которые раньше разгуливали на свободе, бок о бок с тобой и мной, теперь не могут и носа на улицу высунуть после наступления комендантского часа. Закон отправил их за высокие заборы гетто, где им самое место. Будь моя воля – я сжег бы их всех. Расстрелял, уничтожил. Ничего. Законы имеют свойство пересматриваться. И теперь они пересматриваются только в нашу пользу.

А тогда... тогда мы были детьми, Майя. Ты делала вид, что не замечаешь меня, что я тебе противен. Но я-то понимал, моя драгоценная, что таким образом ты лишь дразнишь меня, подогреваешь интерес, возбуждаешь. Я часто возбуждался, когда подглядывал за тобой. Знаю, ты чувствовала мои взгляды и тоже возбуждалась. Когда болтала на скамейке с подругами. Когда отправлялась по поручению матери в магазин. Когда задумчиво сидела на подоконнике своего дома и смотрела вдаль. Каждым своим действием ты приказывала мне, Майя, быть с тобой. Любить тебя. Сделать тебя своей.

Помню, как тебе нравилось по вечерам сбегать из дома через окно и отправляться к реке. Ты не могла не знать,

что я слежу за тобой, Майя. Конечно, ты делала это специально для меня. Ориентируясь в неясном свете луны, ты пробиралась за окраину поселения, а я тенью следовал за тобой. Я сливался с каждым деревом и кустом, чтобы не спугнуть твой ночной ритуал. Тебе бы не понравилось, если бы я нарушил его, правда, Майя?

Ты приходила на берег реки. Туда, где излучина образовывала тихую заводь. Я кусал губы, чтобы сдержаться и не броситься к твоим ногам, пока ты стояла, вся в лунном свете, в его призрачном сиянии, и смотрела на небо. Ты убирала наверх свои чудесные каштановые волосы, и при взгляде на твою точеную шею я как будто рождался заново. Я так отчаянно тебя желал! Когда ты скидывала одежду, мои глаза следили за плавными изгибами твоей еще девичьей фигуры, а в воображении уже проносились картины нашей любви. Я мечтал, что лежу с тобой, и мое тело откликалось на эти фантазии. Я представлял, что мои руки – это твои руки. Приходилось проливать семя на землю не раз и не два за то время, пока ты купалась в реке, а облегчение все не наступало.

Потом ты выходила из воды... богиня. Просто богиня! Я не мог поверить, что такая чудесная девушка достанется мне в жены. Не мог. Но мы-то с тобой знали, что так будет. Ты жаждала стать моей, Майя. Я разгадал твою невинную женскую хитрость. Когда ты твердила, что ненавидишь меня – лишь притворялась. Ведь если жен-

щина говорит «нет», она на самом деле подразумевает «да».

Тебе нравилось проверять силу моей любви. Да, Майя?! Именно поэтому ты встретила того лекхе. О, я никогда не забуду тот день! Мать отправила тебя за дикими яблоками в лес, Майя. Я слышал, как вы беседуете, когда притаился под окном. Ты пошла, небрежно повесив на локоток корзинку. Такая стройная, такая соблазнительная...

Я проследил за тобой до самого луга. Мечтал о том, что ты начнешь рвать плоды, потянешься к веткам, и твоя короткая юбочка поднимется чуть выше, откроет округлые ягодницы. Благодаря ночным купаниям, я знал твое тело наизусть, Майя, и все равно жаждал увидеть еще.

Летнее солнце успело выжечь траву на лугу, прибив к земле белесые сухие стебли и увядшие голубые цветы. Ты брела по колена в этом душистом сене, когда навстречу из лесной чащи вышел лекхе. Он едва ли был старше меня. Долговязый оборванец! Я мог бы побить его одной левой. Обязательно побил бы! Если бы не чудовище у него под боком. Косматый и острозубый лев.

Я испугался за тебя, Майя! Сильно испугался. Я вцепился в ствол дерева, за которым прятался, и уже представлял, как зверь терзает твое нежное белое тело в клочья. Ты тоже испугалась. Я видел, как корзинка выпала из твоих рук в траву. Лев повел носом и оскалил клыки.

Что же дальше случилось? О, я знаю, Майя. Этот долговязый лекхе захотел сделать тебя своей. Мне назло. Спе-

циально, конечно. Каким-то образом он почувствовал, что ты моя, и решил поступить так, как и положено отродью. Разве он мог не знать, что ты – дочь старейшины охотников? Разве он лишь по слепому наитию протянул руку и попросил тебя не бояться, а потом усмирил льва и заставил улечься у своих ног?

Нет.

Нет, Майя. Он сделал это специально. Он нарочно брел сюда через лес от поселения лекхе, а все те оправдания, что просто сбился с пути – ложь. Чего еще ждать от таких, как он? Все лекхе обходили нашу деревню стороной, а особенно – ближайише соседи. Знаешь, ведь то поселение до сих пор существует. Его обнесли высоким забором, поставили вышки с вооруженной охраной и превратили в гетто. Социально опасные субъекты – вот как теперь называют тех, в кого раньше мы, мальчишки, предпочитали швырнуть камнем или палкой, если встречали на дороге. И в твоего лекхе я бы тоже швырнул, Майя. Обязательно.

Ты разбила мне сердце, Майя, когда заговорила с ним. Слезы текли из моих глаз, когда я видел, как ты подошла и запустила свои чудесные изящные пальчики в гриву льва. Лекхе поощрял тебя. Он заставил своего зверя зажмуриться и громко урчать от удовольствия, пока ты гладила его. Он сказал, что тебе нечего бояться.

Как же так, Майя?! Ты предала меня! Предала нашу любовь на моих же глазах! Ты заговорила с лекхе, а потом и

засмеялась. Ты разглядывала его, слегка запрокинув голову, и ловила каждое слово, слетавшее с его лживых губ. Тебе нравилось, что этот мальчишка немного смущается, когда смотрит на тебя.

Мои ноги затекли, пока я сидел и ждал. Так долго ты общалась с ним, Майя. Ты не должна была так поступать со мной! На прощание ты коснулась его руки, а он сказал тебе свое имя. Петер. Я не мог поверить глазам! А это имя навсегда стало для меня сродни проклятию. Напевая, ты пошла дальше к деревьям, а он растворился со своим львом в зарослях с противоположной стороны луга. Но в последний момент ты обернулась и посмотрела ему вслед, Майя! Ты провожала глазами лехе. Слышишь, сука?! Твои глаза должны были смотреть только на меня! Мы же с тобой родились друг для друга!

Он заплатит за это, обещаю. Он заплатит за это. Заплатит. Он заплатит за это. Заплатит! Он заплатит за это!

И ты тоже, Майя. Не думай, что я забуду это. Хоть когда-нибудь.

Глава 4

– Подарок отца? – колючий взгляд дяди остановился на моей груди.

Несмотря на то, что я пришла в его комнату по приглашению, и он сам хотел поздравить меня, ни о каких любезностях и речи не велось. Из-за постоянных болей характер дяди стал сварливым. Казалось, любая мелочь, любое неосторожно сказанное слово раздражали прикованного к постели больного. А я раздражала тем более, вынужденная навещать ежедневно, чтобы принести еду и поухаживать. Тогда дядя обрушивал на мою голову целый поток брани.

– Д-да, – сидя на краю его кровати, я невольно поежилась и коснулась кусочка железа.

– Наконец-то, давно пора.

Он закрыл глаза и вытянулся на постели, показывая, что аудиенция окончена. Я поднялась, окинув взглядом его высушенное от болезни тело, прикрытое простыней. Небольшая комнатка без особой мебели стала склепом для этой живой мумии. И ведь не такой старый еще. Поседел, но лицо не сморщилось, как печеное яблоко. Почему-то стариков я представляла себе именно такими.

Говорили, что у дяди была бурная юность. Он считался отличным охотником. Наверно поэтому и семьи не завел. Отдал всего себя клану. Дядя Миша как-то перебрал бражки и

сплетничал со мной на кухне. Он и проговорился, что брата моего отца никогда не видели ни с одной девушкой. Может, они его не интересовали? Сейчас бы он сам не заинтересовал никого точно. Вечно недовольный брюзжащий одиночка.

С облегчением я вздохнула и вышла в коридор. Неприятная обязанность выполнена, теперь до самого ужина можно не заходить. А вообще, в честь дня рождения не станет лишним попросить дядю Мишу, чтобы отнес еду больному.

Не успела я дойти до кухни, как наткнулась на Костика.

– Ну ты, Кира, даешь! – с плохо скрываемым восхищением протянул младший из братьев. – Папа до сих пор не верит, что ты сама поймала лекхе, хотя Михалыч уже два раза ему историю пересказал.

– Что с ним будет? – спросила я чуть быстрее, чем следовало, и тут же напряглась.

Незнакомец не выходил у меня из головы. Он стал первым пойманным мною лично лекхе, но не отпускало ощущение, что незнакомец боролся не в полную силу. И этот жест, когда провел по губам... я все еще чувствовала прикосновение его пальца, будто тайную печать.

– Отец звонил в гетто, – сообщил брат, – но там сказали, что у них никто не сбегал. Сама знаешь, можно просто сдать его в полицию за взлом с проникновением. От десяти лет и вплоть до высшей меры наказания отобьют охоту врываться в чужие дома. Но для отца это дело профессиональной гордости. И безопасности.

– Лекхе искал жилу, – пробормотала я.

– Вот-вот, – поддакнул Костик. – Не думаю, что он отправится с конвоем восвояси до того, как отец убедится, что отпускать его безопасно.

– А те, кто сломал видеокамеру? – вспомнила я. – Вы их поймали?

Брат приосанился и посмотрел на меня сверху вниз.

– Конечно. Разве могло быть иначе? Два лекхе хотели затеряться в лесу, и мы их едва не упустили. Но Коля какими-то тропами бросился наперерез. Когда один схлопотал особую пулю, второй сам остановился. Дилетанты они. Папа сказал, что в клетке посидят пока.

Напустив на себя важный вид, Костик пошел дальше, а я поспешила на улицу. После утреннего переполоха все уже успокоилось. Дядя Миша колдовал на кухне, чтобы успеть приготовить праздничный ужин. Машины загнали в гараж. Трое наемников сидели на бревне, привалившись спинами к стене курятника, курили вонючие сигареты и о чем-то мирно беседовали. Дым рваными облачками поднимался до самой крыши. Я кивнула, когда проходила мимо, и получила очередную порцию поздравлений.

Но день совершеннолетия, которого я так ждала, потерял свою необычность и волнительность по сравнению со странным пленником. Я не получила ответы на свои вопросы и уже вся извелась от любопытства. Почему у него не было фамильяра? Почему он рассердился, когда узнал, что это мой

дом?

Клетки у нас находились за амбаром. Когда-то они были сделаны из особого железа по распоряжению моего отца. Среди своих папа слыл изобретателем, ему нравилось находить способы контролировать лекхе и при этом не наносить им смертельных ран. Надевать кандалы придумал тоже он. Я знала, что даже полицейские пользуются такими при задержании лекхе. Отец выполнял поставку по госзаказу.

Но ноги понесли меня не к клеткам. Как только я увидела мужскую фигуру, вытянутую во весь мощный рост у сосны – мигом забыла, куда направлялась. Воровато оглядевшись, поняла, что на меня никто не обращает внимания. Дорогих родственников мужского пола поблизости не наблюдалось, а для наемников я была хозяйкой, в дела которой им не полагалось вмешиваться.

Сосна стала для меня чем-то вроде маяка для корабля. Я шла, не чувствуя под ногами кочек, и никак не могла оторвать взгляда от пленника. И не потому, что он был голый. Я понимала, зачем его раздели: психологический фактор. Одежда дает чувство защищенности и уверенности в себе. У пленников такого чувства быть не должно. Им следует ощущать себя уязвимыми, каковыми они и являются на самом деле. К тому же, долгие годы я провела в компании братьев, купалась с ними в реке. А еще охотники моего клана зимой любили выбежать из баньки с малиновыми задами и спинами и плюхнуться в снег. Не то, чтобы меня теперь мог сму-

тить вид обнаженного мужчины.

Его тело привлекло меня по другой причине. В таком напряженном состоянии, когда руки были заломлены наверх, и пленнику приходилось стоять на цыпочках, чтобы плечи отдохнули, под кожей отчетливо просматривались бугры мышц. Торс казался вылепленным рукой скульптора. Засохшие потеки крови на груди и вдоль плоского живота с аккуратной пупочной впадинкой – но ни одной открытой раны. Это его кровь или чужая?!

На ребрах пленника виднелись тонкие красные рубцы. Каким оружием нанесли такие? У моего отца был самый обширный арсенал в стране, но я так и не смогла мысленно подобрать подходящее. Еще один рубец, по виду очень старый, располагался выше левой грудной мышцы. Тут сомнений не возникло: след от выстрела. Парню повезло когда-то, раз он до сих пор живой. В какую же заварушку он тогда попал? Казалось, я читаю историю его жизни по следам на коже.

Мужчина стоял, склонив голову к плечу и закрыв глаза. Отдыхал, пока появилась возможность. Я заметила, как покраснели запястья, раздраженные постоянным соприкосновением с железом. Наверняка неприятное ощущение.

Как только я остановилась в нескольких шагах от пленника, он выпрямился и посмотрел на меня. Пожалуй, женщины сходили с ума от желания заправить прядку непослушных волос ему за ухо – слишком уж соблазнительным это казалось.

– Ты – Кира, – произнес мужчина утвердительно.

Чуть помедлив, я кивнула. Должно быть, где-то подслушал мое имя, потому что я совершенно точно не говорила ему сама.

– Ты не из гетто, – настал мой черед говорить знающим тоном. Пусть не думает, что он один тут сможет долго сохранять свое инкогнито.

– Нет, – мужчина едва заметно качнул головой. Волосы еще больше упали на глаза. У меня прямо руки зачесались их поправить. Я сжала кулаки и спрятала их за спину.

– Таким, как ты, запрещено жить вне гетто.

Слабая и полная презрения улыбка тронула его губы. Так и захотелось стереть ее с самодовольного лица.

– Если ты каким-то образом обитаешь без желтого билета, тебе могут дать самую строгую меру наказания, – напомнила я.

Так называемый желтый билет, а на самом деле – справку о принадлежности к гетто, давали всем лекхе, которые не нарушали закон и жили мирно в своих колониях. Из бесед отца с братьями я слышала, что если полиция ловила в городе лекхе без желтого билета в кармане, это каралось очень и очень сурово.

Пленник все увереннее расправлял плечи, словно был хозяином ситуации.

– У меня есть паспорт, – заявил он.

– Но это невозможно! Паспорт дают только людям! Обыч-

ным людям! Не таким... как ты.

Кажется, мне удалось задеть его за больное. Лицо пленника помрачнело. Но неужели он рассчитывал, что я стану относиться к нему, как к равному? Закон четко определял, чье место – в низших слоях населения. Наглому взломщику не стоило об этом забывать.

– Может, ты мне еще и имя свое по паспорту скажешь? – поддела я.

– Ивар.

Имя звучало не совсем обычно для наших мест. Да и в речи пленника слышался легкий акцент. Почти не ощутимый, но все же. Я припомнила, что много лет назад где-то в окрестностях, кажется, обитала целая община лекхе, переселившихся из Прибалтики. Неужели он оттуда? Надо бы не забыть проверить эту версию.

– А что это ты так охотно про себя рассказываешь? – спохватилась я. – Знаешь же, что все это узнает мой отец.

Ивар некоторое время изучал меня, а затем бросил равнодушно:

– Не узнает.

– Это еще почему? – фыркнула я и смерила его взглядом, стараясь не сильно задерживаться на бедрах.

– Потому что ты, Кира, меня отпустишь.

Сначала я восприняла эти слова, как шутку, но он не улыбался. Насколько удалось заметить за короткие мгновения нашего знакомства, этот пленник вообще редко растягивал

губы в искренней улыбке. За исключением пары презрительных ухмылок, которые выдавил из себя с очень высокомерным видом. Он умудрялся держаться так, даже будучи закованным в железные кандалы, причиняющие ему как минимум боль.

– Ты ничего не перепутал? – поинтересовалась я. – Это здесь решаешь не ты. И даже не я. А главный охотник. То есть, мой отец. Если такой умный, то должен знать, что грозит нарушителям границ заповедника. Это закрытая территория.

В глазах Ивара пронеслось что-то, чему я не смогла найти определения.

– Это ты все перепутала, Кира, – приглушенным голосом произнес он, и что-то внутри меня дрогнуло. – Ты оказалась не на той стороне. Сама-то когда была за пределами своей закрытой территории? В городе никто не знает, что ты существуешь.

Я едва не попала на удочку, когда стала припоминать свой последний выезд с папой. Месяца четыре назад, кажется... когда мне захотелось самой выбрать подарок на день рождения Коли... но пленника это не касалось. Обычно мы с папой посещали нужные магазины и быстро уезжали обратно. Он тщательно избегал встреч с какими-либо знакомыми, а я не возражала.

– Главное, что обо мне знают те, кто мне дорог, – ответила я ровным голосом.

– Да ты, наверно, всю жизнь под замком просидела. Не ходила в школу? Даже читать не умеешь? – прищурился он.

– Умею! – я не выдержала и невольно сжала кулаки. – Папа меня сам учил. Мы с ним всю школьную программу прошли. И, к твоему сведению, я отлично умею стрелять и метать ножи. По-моему, это должно беспокоить тебя сильнее, чем знаю ли я буквы. Тебе вроде бы вообще три класса школы в гетто положены?!

Я не понимала, к чему пленник завел этот разговор. Закон разрешал лекхе только начальное образование. Это был еще один способ сдерживать и контролировать их. Никто бы не стал тратить государственный бюджет, чтобы обучать социально опасных существ. Враг покорен, пока чувствует себя слабее, а знание – это тоже порой оружие.

– Темная невежественная девочка, – если бы не легкая гримаса страдания, проскользнувшая по лицу, когда Ивар пошевелил плечами, я бы подумала, что он получает удовольствие от нашей пикировки. – Я закончил университет.

– Университет хвастовства? – не осталась в долгу я. – Стою здесь уже пять минут, а у тебя прямо рот не закрывается себя нахваливать. Ни за что не поверю, что дикое существо смогло получить высшее образование.

Похоже, мой укол достиг цели, потому что Ивар только устало прикрыл глаза.

– Напомни показать тебе диплом, – недовольным голосом проворчал он.

– Угу, – поддакнула я, – вместе с паспортом. А лучше моему отцу их покажи. Вместе с пояснением, зачем ты взломал окно в моей спальне и искал жилу. Он же имеет полное право тебя пристрелить теперь! И друзей твоих тоже.

Вот теперь из этого сухаря удалось выбить хоть какие-то эмоции, кроме ледяного презрения. Глаза Ивара распахнулись, он весь напрягся, неудержимо притягивая мой взгляд к своему совершенному телу. Грудная клетка расширилась, отчетливо проступили ребра, хотя худым этого верзилу точно нельзя было назвать. Живот подтянулся. Кулаки сжались в бессильной попытке порвать цепи.

Беспокойство. Этот мужчина умеет беспокоиться о чем-то?!

– Что с ними? – отрывисто бросил он.

Я подумала, что спекулировать информацией о друзьях будет жестоко даже по отношению к дикому лекхе.

– Они в клетке. Один ранен, – увидев, как вытянулось его лицо, я поспешила успокоить: – Не знаю, кто, но если бы его ранили смертельно, то просто отвезли бы труп в могильник. Если он сидит в клетке, значит, будет жить.

Ивар слегка расслабился, с шипением посмотрел наверх, покрутил запястьями в кандалах, пристраивая руки поудобнее.

– Они не виноваты. Их нужно отпустить.

Я ответила ему красноречивым взглядом. Повторяться не хотелось. Отец в здравом уме не отпустит никого из чужаков,

пока не выяснит о них все.

– Хорошо, – на этот раз Ивар, похоже, сдался. Неужели новости о друзьях так повлияли? Верил, что им удалось сбежать, и рассчитывал только на себя? – Я расскажу тебе правду. Я пришел сюда за жилой, потому что она – моя.

– Ну да, – я со скучающим видом посмотрела на ногти правой руки, – сейчас скажешь, что у тебя есть свидетельство о праве на нее. Вдобавок к диплому и паспорту. А мне придется тебе напомнить, что лекхе не имеют права владеть землей. Нигде. Не говоря уже о заповеднике. Это государственная земля. Даже мы ей не владеем, а только охраняем.

– Она принадлежит мне по праву рождения.

– Что?! – я подумала, что ослышалась.

– Твой отец, Кира, захватил эту землю у моей семьи. Этот дом, – Ивар кивнул в сторону жилища, – на самом деле, мой дом. Твоя комната – это моя комната. – Он опустил голову и помолчал. – Наша... бывшая детская.

– Наша?

В такие моменты я очень жалела, что никогда прежде не задавалась вопросом, кто построил этот дом. Но можно ли верить врагу? Зачем я стою здесь, развесив уши, и слушаю его вранье? Мне следовало развернуться и уйти, но Ивар продолжил, а я так и не сделала ни шага.

– Твой отец убил моих родителей. Застрелил моего брата и сестру. Сестре, между прочим, года два или три было. Мы все жили здесь. С захвата жилы началась перемена законов,

Кира. Мир, в котором мы живем сейчас, стал таким из-за твоего отца.

По моему телу пробежала странная дрожь. Мой папа? Убийца маленькой девочки? Я не могла в это поверить. Он всегда так любил нас. Был так нежен со мной. Я ощущала себя самой дорогой и любимой из всех его детей. Нет. Я не могла поверить, что ему хватило бы духу застрелить другого ребенка.

– Я тебе не верю, – покачала я головой. – Папа не стал бы нарушать главный закон нашего клана. Для нас все равны. Мы поступаем справедливо.

Горькая усмешка на мужских губах. Молчание. Выжидающий взгляд.

– Ты все врешь, – снова заговорила я, сама не зная, почему так стараюсь доказать ему свою правоту. – Даже в мелочах. У лекхе паспортов не бывает. И как ты выжил? Почему мой отец тебя не застрелил?

– Он застрелил, – невозмутимо возразил Ивар. – Просто выстрел был сделан не в голову. В сердце. Я не знаю почему.

Мои глаза невольно вернулись к старому шраму на мужской груди. Нет. Выстрел в сердце тоже смертелен. Если, конечно, сделан особой пулей. Все это знают. Очередная уловка? Не отрывая взгляда от белесого рубца, я подошла ближе, попутно отметив, как Ивар опять напрягся и втянул в себя воздух.

Неизвестно почему, но я не испытывала страха, стоя так

близко от него. Тогда, в моей комнате, с пистолетом в руке против него, сильного и опасного – да, я боялась. Теперь его сдерживало и обессиливало особое железо. Но дело было даже не в этом. Что-то в выражении его лица подсказало: не тронет.

Он отпрянул назад, насколько позволяло положение. Но вечно пятиться от меня не смог бы. Мне отчаянно требовалось потрогать его рану, чтобы убедиться в ее реальности. Смогу ли я отличить след выстрела отца? Даже если рана настоящая, ее мог нанести кто-то другой.

Я подняла руку и нечаянно задела костяшками пальцев его гладкий живот. Ивар вздрогнул и промычал что-то сквозь стиснутые зубы, но я уже гладила его шрам, чувствуя под подушечками пальцев узелки рубца. Мне хотелось делать это снова и снова. Пленник дернулся, пытаюсь увернуться от прикосновений. Зазвенели цепи.

– Сколько тебе было лет? – зачем-то спросила я.

– Пять. Так мне говорили, – мучительно процедил он.

– Мой отец не мог этого сделать. Ты бы не выжил. У тебя был фамильяр?

– Был. Мне так говорили. Но после того случая он исчез.

– Ты бы не успел призвать фамильяра. Это же мгновенная смерть, – я покусала губы в раздумьях. – Скорее всего, пуля была обычной. Не из особого железа.

– Посмотри на меня, Кира, – вдруг послышался над самым ухом свирепый шепот пленника. – Один из твоих бра-

тьев сегодня проверял на мне свой нож из особого железа.

Мои братья пытали его? Зачем?! Я удивленно уставилась на широкую мужскую грудь. Тоненькая бледно-розовая полоска тянулась вниз. Теперь понятно, чья на нем кровь. Следы вели от зажившего пореза.

– А до этого, чуть левее, он проверял обычный нож, – продолжил Ивар, больше не уворачиваясь от моих прикосновений. – Видишь?

Я тщательно изучила его тело, но следов не обнаружила. Намек был более чем прозрачным. Шрамы остаются только от особого железа.

– У кого в то время были такие пули? – дыхание пленника прерывалось.

– Папа говорил, что первые особые пули отлили из маминного ожерелья...

Несмотря на очевидный ответ, мое сознание продолжало отвергать эту версию. Я вскинула глаза на Ивара. Хотела отыскать в его взгляде какой-нибудь намек на ложь. Что-нибудь, лишь бы продолжать надеяться в справедливость и доброту папы.

Но увидела...

Я увидела его лицо слишком близко от своего. Губы Ивара были приоткрыты, и он неотрывно смотрел на мои. Моя рука покоилась на его груди, словно приклеенная намертво. Между нами что-то происходило, и я никак не могла понять, что именно. Ясным оставалось лишь одно – я никогда рань-

ше не испытывала ничего подобного. Низ живота свело судорогой. Скорее, приятной, чем болезненной. Неужели таково влияние этого перепачканного кровью и закованного в кандалы дикаря?! Меня волновал его запах, его бешеный взгляд, застывший на моих губах, но это напоминало лишь животные инстинкты. Те, которые подходили для лекхе, но не для охотника!

Я вспомнила утренний сон. Похожее томление. Но там все происходило по-другому. Во сне я точно знала, что рядом со мной – равный. Не низшее существо!

И мой воображаемый любовник из снов испытывал ко мне другие чувства. Теплые чувства. Он любил меня и признавался в этом. В чем может признаться этот мужчина? Он только что пытался настроить меня против отца!

– Даже не вздумай... – пробормотала я, но так и не смогла сформулировать, от чего предостерегаю своего пленника.

– Почему? – его губы пошевелились, и я поймала себя на мысли, что, оказывается, тоже смотрю на них уже какое-то время.

– Потому что ты не для меня. Тебя расстреляют, если узнают, что ты поцеловал женщину не своего вида против ее воли. Это приравняют к изнасилованию.

– А это будет против ее воли? – в его голосе послышалась ирония.

Для себя я поняла две вещи. Первая – нельзя позволять, чтобы мой первый поцелуй случился с лекхе. И вторая – я

уже никогда не стану прежней после нескольких минут в такой сумасшедшей близости от этого мужчины. Кажется, у моих любовников из сновидений наконец-то появится лицо...

Ивар быстро взглянул куда-то поверх моего плеча.

– Прости меня, Кира.

– За что? – удивилась я.

– Потом узнаешь.

Внезапно он рванулся ко мне, насколько позволяли цепи. Прижался бедрами, высекая из моей груди испуганный вздох. Нечто твердое уперлось в мою ногу и вызвало мурашки по спине. Я не успела отступить, как почувствовала прикосновение губ Ивара. Под моими закрытыми веками перевернулся весь мир.

Последние несколько месяцев я жила с ощущением тоски. Чего-то не хватало. Думала, что посвящение в клан отца удовлетворит меня. Но ошибалась. Мне не хватало адреналина. Бешено колотящегося от страсти сердца. Ощущения, что земля уходит из-под ног, а здравый смысл отступает перед чувствами.

И все это я ощутила с легкостью. Если верить его версии, мы были кровными врагами, потому что мой отец уничтожил его семью. Но даже если нет, это не упрощало ситуацию. Ивар нарушил закон, и в лучшем случае его посадили бы. В худшем – привели бы в исполнение высшую меру наказания.

Вздох не то радости, не то огорчения вырвался из моих

губ, когда кто-то третий с силой отшвырнул меня в сторону, а над ухом прозвучал гневный голос:

– Да ты охренел?!

Самый старший из моих братьев выглядел взбешенным не на шутку. Как я могла не услышать его шагов? Перейдя от слов к делу, Николай с размаху впечатал кулак в живот пленника. Ивар согнулся пополам и повис на руках.

– Что ты делаешь! – невольно воскликнула я и попыталась помешать следующему удару.

– Что я делаю? – брат просто рассвирепел. – Это ты что здесь делаешь, Кира? Это грязное животное тебя хочет!

– Но это всего лишь животное! – я перехватила руку Николая и повисла на ней, пока Ивар откашливался и сипло дышал. – Ты сам так сказал. У него сработал инстинкт.

– Да, – Коля попробовал высвободить локоть и при этом не покалечить меня, – он – похотливый кобель. И я не позволю ему пачкать тебя своими грязными руками!

– Но его руки связаны, – настаивала я, бросив взгляд на Ивара.

Да он в своем, вообще, уме? Он же поцеловал меня специально, когда увидел Николая. Теперь я все поняла. И за чем только, ведь слышал, что его ждет? Думал, что за это по головке поглядят?!

– Ты что, его защищаешь? – вдруг застыл брат.

От неожиданности я даже выпустила его локоть.

– Н-нет.

– Ты защищаешь вонючего мужика, который только что терся об тебя своим членом?! Он залез в наш дом и хотел поразвлечься с тобой!

Николай посмотрел на меня так, будто я сама была лекхе.

– Коля, нет! – воскликнула я. – Не защищаю, просто это вышло... случайно. Я, наверно, подошла слишком близко... не подумала...

– Значит, я прав. Кобель хотел воспользоваться моей невинной сестренкой, – тоном, не терпящим возражений, подвел итог брат.

Резким движением он выхватил из-за пояса длинный нож. В глазах Ивара мелькнула тревога. Пленник весь подобрался, наверняка ожидая следующего удара. Но Николай лишь потянулся и разрубил веревки, продетые сквозь цепь кандалов.

После долгого нахождения в напряженной позе ноги пленника, как и следовало ожидать, не выдержали неожиданной нагрузки, и он рухнул на четвереньки. Правда, стоять так Ивару пришлось недолго, потому что мой брат с размаху пнул его под живот. От удара пленника отбросило на спину. Из-за боли он явно на какое-то время потерял ориентацию в пространстве. Николай деловито оседлал его, на ходу вытаскивая из кобуры пистолет. Пока Ивар приходил в себя, брат схватил его рукой за подбородок и заставил открыть рот. Звук металла, стукнувшегося о зубы, вызвал у меня неприятные ощущения.

Увидев пистолет, снятый с предохранителя, во рту у пленника, я испытала шок. Не так представляла себе реальность, с которой придется столкнуться в качестве охотника. Совсем не так. Когда наемники трепались об очередной облаве, в воображении все выглядело как красочный фильм.

Теперь из красок была только кровь на разбитой губе Ивара.

Взгляд у лекхе стал более осмысленным и медленно переместился на меня. Пленник не делал попыток бороться, и слава Богу, ведь в противном случае я не знала бы, кому из них двоих помогать.

– Ты не можешь его убить, отец с ним еще не закончил, – напомнила я, тщательно избегая встречаться с Иваром взглядом. Ну и чего он, спрашивается, добивался?

– Отец не мог решить, отпускать лекхе или нет. Я решу за него, – брат поудобнее перехватил рукоять, – не отпускать. Кира, лучше отвернись. Сейчас здесь станет грязно.

Отвернуться очень хотелось. Едва поборола в себе этот порыв.

– Тебе все равно придется как-то объяснять этот выстрел, – предприняла я новую попытку.

– Да что тут объяснять? – хмыкнул брат. – Скажем, что застрелили при попытке ворваться в дом и напасть на незащищенную девушку. Две статьи за один раз – и подходящее наказание. Отворачивайся, Кира! А то потом кошмары будут сниться.

Я в нерешительности покачала головой. Ивар продолжал смотреть на меня немигающим взглядом. Николай поджал губы.

– Отвернись, кому сказал! – рявкнул он.

Я сглотнула. Мой старший брат был не из тех людей, с кем принято шутить. И судя по тому, как напрягся его палец на спусковом крючке, мне на самом деле следовало отвернуться. И чем скорее, тем лучше. Я сдалась и поспешила выполнить просьбу брата.

Тогда и увидела, что со стороны дома к нам торопятся двое. Один из них сильно хромал. Папа и... дядя Миша? Старый охотник по привычке прижимал к боку покалеченную слабую руку.

– Не стреляй, – выдохнула я и сама удивилась облегчению, заполнившему грудь.

Брат и сам уже заметил отца. С недовольным видом он вытащил пистолет изо рта Ивара, но остался сидеть на своей жертве, прижимая ее к земле.

– Что здесь происходит? – сухо поинтересовался отец, не доходя пары шагов до меня.

Его цепкий взгляд оценивал обстановку. Дядя Миша выглядел обеспокоенным. Я предположила, что именно он заметил потасовку и позвал папу.

– Лекхе приставал к Кире, – бросил Николай.

– Что? Что он тебе сделал? – папа подошел и положил руку на мое плечо, с тревогой взгляделся в лицо.

– Ничего, – пожалала я плечами. – Всего лишь попытался поцеловать...

– Господи, малышка, – папа обнял меня и прижал к груди. – Это не «всего лишь». Это недопустимо! Как он подманил тебя?

Я засомневалась, стоит ли говорить о тех обвинениях, которые выдвигал Ивар? О том, что мой отец – убийца. Может, стоит поднять эту тему более аккуратно и наедине? Не хотелось повторять грязные сплетни при посторонних.

– Я сама подошла. Из любопытства.

– Сама?! – у отца округлились глаза.

– Он хотел воспользоваться ее невинностью, – с отвращением добавил Николай.

– Малышка... – папа замялся. – Твой брат прав. Ты просто не понимаешь еще. Тут есть и моя вина, что ты не знаешь кое-каких вещей. Но взрослый мужчина способен на ужасные поступки в отношении молодой девушки. Лучше тебе о таком даже не слышать. Коля молодец, что вмешался.

Ивар презрительно фыркнул, услышав эти слова. Нет, он специально старался нарваться на большие неприятности! Отец медленно повернулся и оглядел распростертого на земле пленника.

– Нам стоит просто покончить с ним, – воодушевился поддержкой мой брат.

Папа задумался. Казалось, все затаили дыхание в ожидании его решения. Ведь слово, сказанное главным охотни-

ком, должно стать последним. И оспаривать его уже никто не имел права.

Где-то вдалеке шумела река. Перемазанная грязью и кровью грудь Ивара под коленом моего брата поднималась и опускалась на удивление спокойно. Он уже не смотрел на меня, все его внимание притянула фигура отца. Лицо пленника словно заледенело. Мне даже стало страшно при мысли, что может скрываться за этой маской.

– Мы допросим его, – произнес, наконец, папа. – Нужно разобраться в причинах, побудивших лекхе атаковать заповедник. Только после этого я смогу что-то решить.

Николай выглядел очень недовольным. Он неохотно слез с пленника, продолжая удерживать того на мушке. Я порадовалась, что отец не такой скорый на руку, как брат. Коля предпочитал сначала делать, потом думать. И его желание защитить меня так, как он это понимал, я не могла осуждать. В скором времени мой брат бы сам осознал, что поторопился вершить правосудие, только вряд ли бы признал это вслух.

Ситуация, казалось, разрешилась вполне благополучно, когда вдруг прозвучал хрипловатый голос Ивара:

– Трус.

Отец собирался уже проводить меня в дом, но замер на одном месте и повернулся, держась за больную ногу.

– Что ты сказал, парень?

– Трус, – Ивар повернул голову и выплюнул на землю сгусток крови. – Твоя малышка – сладкая конфетка. Я не забу-

ду, как она пахнет, особенно долгими зимними вечерами.

Я просто обомлела. Лекхе все-таки хочет умереть?

– Да ты... – Коля сделал шаг, но отец удержал его жестом.

– Чего ты добиваешься, парень? – спокойным голосом поинтересовался он, разглядывая Ивара.

Только, пожалуй, близкие родственники знали, что за подобным тоном скрывается настоящая угроза. Отец мог быть суровым, когда это требовалось.

– Я оскорбил честь твоей дочери, хромой. Что подумают другие охотники, когда узнают, с кем она целовалась? Кем ее станут считать, если решат, что это было добровольно? Неужели тебе все равно? Я готов за это ответить. Как мужчина мужчине. Только ты и я. Никакого огнестрела. Насмерть.

Даже Николай застыл от такого заявления. У отца побелели губы. Дядя Миша сдавленно охнул. Я не могла поверить своим ушам. Так вот к чему стремился лекхе! Он довел ситуацию до такого предела, когда в ответ на милосердие главного охотника бросил тому в лицо оскорбление и вызвал на смертельный поединок. Папа находился в трудном положении. Нога не позволила бы ему полноценно бороться, а предусмотрительный Ивар ограничил использование огнестрельного оружия, вынуждая к ближнему бою. Отказаться отец не мог без потери репутации пусть даже в глазах дяди Миши. Не будь рядом старого охотника, мы бы с Колей попробовали отговорить его от подобного шага. Но в то же время, несмотря на все кодексы чести, я никак не могла допу-

стить, чтобы папу убили.

Отец едва заметно кивнул. Мое сердце оборвалось. Ивар прищурился и, позвякивая кандалами, принял сидячее положение.

Мечь. Лекхе собирается мстить моему отцу за ту историю с семьей. Хочет рискнуть и умереть самому или убить врага.

– Думаю, отец вполне может выбрать представителя, – заявил Николай, который успел опомниться от удивления. Он взглянул на пленника. – Как и ты, лекхе. Если хочешь, призови своего фамильяра.

Я сама говорила брату о том, что у чужака нет фамильяра, и теперь слова Коли прозвучали как насмешка.

– Я буду драться только с ним, – глухо ответил Ивар и кивнул в сторону папы.

– Не-а, – мой брат поиграл пистолетом и ухмыльнулся. – Наша земля. Наш клан. Наши правила. Сейчас я об тебя только размялся. А за сестру и попотеть не жалко. Готовься, кобель.

Пленник явно не ожидал, что дело так повернется. Его брови нахмурились, лицо стало озадаченным. Коля, наоборот, расправил плечи и повеселел. Теперь перевес сил был в пользу него. Я не сомневалась, что Ивар протянет недолго, если выступит против самого старшего и самого сильного из моих братьев.

Неужели мужчины не могут обойтись без смертей?!

Я выдохнула, сама не понимая, что толкает меня вмеши-

ваться в это дело.

– Лекхе оскорбил мою честь, – произнесла я громко и четко, хотя внутри не ощущала такой уверенности, – поэтому мое право – получить сатисфакцию. Я сама за себя постою.

Все собравшиеся уставились на меня, как на привидение. Не исключая Ивара. Ага, мне снова удалось вывести его на эмоции. Вполне однозначные эмоции, к слову.

Он был просто в шоке. Проклятый лекхе! Сколько можно спасать его задницу? Если он и в этот раз все испортит, я просто умою руки.

– Кира, ты не можешь выйти против него, – строго заметил отец. – Этим должен заниматься кто-то из мужчин твоего клана.

Я заглянула в его усталые глаза и мысленно попросила прощения. К сожалению, единственный выход не оставлял мне выбора.

– Это если бы я была простой и беззащитной девушкой. Или пожилой женщиной.

– Но ты и есть беззащитная девушка! – повысил голос папа. Мое упрямство его задевало.

– Я не беззащитная. Я все умею. Коля меня учил, – я перевела извиняющийся взгляд на брата. – Как бы, по-твоему, я поймала этого лекхе, когда всех вас не было рядом?

Николай побледнел.

– Это правда? – угрожающим тоном поинтересовался у него отец.

Если бы брат мог убить меня на месте, то наверняка бы это сделал. Намерения так и читались на лице.

– Да, – наконец, выдавил он. – Кира обучена самому необходимому.

Ивар тихонько присвистнул, и мне захотелось прибить его чем-нибудь тяжелым.

– Все равно я не выпущу единственную дочь против лехе! – возмутился отец.

– Сейчас я говорю не как твоя дочь, а как охотник.

– Технически, Кира имеет право на то, о чем просит, – вмешался дядя Миша, и я мысленно поблагодарила его за поддержку.

Отец так на него посмотрел, что старик смутился.

– Значит, ты больше не охотник, – папа шагнул ко мне, сгрел в кулак пулю и дернул цепочку на шее.

Резкий щелчок – и я ощутила, как две тонкие змейки сползли по груди. Пуля осталась в руке папы, а концы цепочки свисали вниз и покачивались. Слезы едва не брызнули из моих глаз. Столько лет я ждала этого подарка! И теперь, побыв всего полдня охотником, лишилась. И все ради человека, которого знала от силы полчаса. Да что со мной такое?!

– Разговор окончен, – отрезал отец. – Коля, а с тобой я хочу поговорить по поводу Киры.

Брат позеленел. Его ждала расплата за то, что ослушался отца и учил меня.

– Технически, ты все равно не можешь отказать Кире, –

послышался мягкий, но неумолимый голос дяди Миши. – Она потребовала права защищать себя, когда еще была охотником.

– Нет! – зарычал отец, повернувшись всем корпусом к нему и сжав кулаки.

– Нет! – зачем-то прорычал следом Ивар. Впрочем, его мнение вряд ли кого-то волновало.

Дядя Миша вздрогнул, но не сдался.

– Да. Это закон нашего клана. Охотник имеет право требовать самому постоять за себя.

Папа бросил мне взгляд – как ножом пронзил. Но я выдержала его.

– Хорошо, – он закрыл глаза ладонью и простонал: – Поверить не могу, что отправил свою дочь на смертельный поединок.

– Все равно мы знаем, кто победит, – многозначительно проворчал Николай, убирая пистолет в кобуру. – В кандалах сильно не развернешься.

Он нагнулся и подхватил пленника, чтобы увести. Ивар уставился на меня, и в его глазах читалось раздражение. Недоволен исходом? И кто из нас теперь темный невежественный человек, раз не понимает очевидного? Мне придется убить лекхе, только в отличие от своего брата я постараюсь не причинять жертве сильной боли при этом. Там где Коля стал бы мучить пленника, там, где папе, возможно, не хватило бы сил, я буду быстрой и милосердной. А потом от-

вечу перед дорогими родственниками за представление, которое устроила.

И все это в собственный день рождения!

Я скорчила Ивару мрачную гримасу и прошипела:

– Ненавижу тебя!

Глава 5

Глупая девчонка!

Ивар не хотел ее убивать. Он хотел овладеть ею. Бесконечно целовать нежные губы и сжимать в своих объятиях такое хрупкое по сравнению с ним самим тело. Он попробовал ее поцелуй всего пару жалких секунд, но до сих пор отчетливо ощущал его сладкий вкус. Она пахла цветами и медом. Очертания ее фигуры так и стояли перед глазами. Он стал твердым, как камень, еще в тот момент, когда в голову только пришла мысль ее поцеловать.

Когда она трогала его, он извивался, страдая, что связаны руки. Это стало самой худшей пыткой для Ивара. Ее братья со своими ножами могли курить в сторонке по сравнению с ее нежными прикосновениями, посылающими волны тока внутрь него. Даже проклятое железо не причиняло таких мучений, хотя, провисев какое-то время, Ивар был уверен, что запястья сожжены до костей. Его спасла только способность восстанавливаться. Плоть сопротивлялась разъедающему эффекту, но вместе с кожей и мышцами оживали и нервные окончания, и из-за этого чувствительность не приглушалась.

Ивар не был уверен, что убить отца девчонки, а потом присвоить ее саму – хорошая идея. Но он уже не мог помыслить о том, чтобы отказаться от ее присвоения. Он планиро-

вал взять ее себе. Просто потому, что не смог бы по-другому. Презрение к ее клану смешалось в нем с непристойными мыслями о том, как он лишит ее невинности. Это тоже казалось своеобразной мстью ее клану.

Ивар никогда не слыл романтичным мечтателем. Он не собирался связывать с дочкой врага свою жизнь. Ему требовалось только погасить желание, вспыхнувшее так внезапно. Все женщины рано или поздно надоедают, нужно лишь не противиться самому себе и делать с ними то, что хочется. Но даже когда Кира наскучила бы Ивару, убивать ее он не планировал. Отпустил бы с легким сердцем. После связи с ним она все равно уже никогда не пользовалась бы уважением среди своих. В их глазах она стала бы нежным белым лепестком, навсегда измазанным в дегте.

Ивар решил это, пока ее брат – здоровенный амбал с бычьим выражением глаз – тыкал ему в горло своей «пушкой». На языке ощущался привкус металла, пороха и крови. Но Ивара не так-то просто было сбить с намеченного пути. Он знал, за что борется. Все шло по плану. По импровизированному и, возможно, не до конца продуманному плану, но Ивар провел достаточно времени среди людей, чтобы уметь предугадывать их реакции. Он рисковал получить пулю, но почти не сомневался, что девчонка его спасет. Слишком уж сильно она дрожала от его поцелуя и слишком сладко вздыхала, когда он прижался к ней, разгоряченный нежностью и податливостью. Она тоже захотела его, сладкая маленькая

сучка, и готова была добровольно пойти против всех запретов.

Так зачем она полезла в самое пекло и спутала ему все карты?

Да у него рука не поднимется свернуть ей шею! Но и самому умирать как-то не хотелось. А ведь в живых должен остаться лишь один из них.

Ивар настолько озадачился проблемой выбора, что позволил протащить себя, как быка на убой, через весь двор и швырнуть в клетку. Следом на грязную землю полетела его одежда. Звякнул ключ в замке. Послышались удаляющиеся шаги.

Не без отвращения он огляделся. Тут же радостно воскликнул, увидев совсем рядом, через решетку, Байрона и Лекса. Их посадили в соседнюю клетку и, видимо, не пытались мучить, как его самого. По крайней мере, не раздевали. Но радость Ивара быстро испарилась, когда он заметил угрюмо поникшую темноволосую голову Лекса, который сидел в углу, и бледное лицо Байрона, растянувшегося на земле. Последний прижимал руки к животу, между пальцев сочилась темная кровь.

– Байрон! – Ивар бросился к решетке, вцепился в нее, но тут же обжегся и отпрянул. Особое железо.

– Его подстрелили, – мрачно пояснил Лекс и добавил: – Я уж думал, тебя тоже.

– Нет, я в порядке, – скороговоркой объяснил Ивар. Он

кивнул в сторону раненого: – Он пробовал призвать фамильяра?

– Здесь? – удивился Лекс. – Клетки непростые.

– Это понятно, – поморщился Ивар, – но сразу после ранения почему не призвал? Он же истечет кровью!

Байрон пошевелился, его тонкие черты лица исказились от нестерпимой боли, белесые ресницы затрепетали.

– Я боялся, что охотники увидят в этом угрозу и еще раз выстрелят, – с трудом проговорил он. – Мы ведь не имеем права вступать в осознанный контакт с фамильярами.

Ивар выругался сквозь зубы.

– В задницу их законы! Мы имеем право только подышать от их пуль.

– Мы здорово облажались, да? – протянул Лекс.

Ивар схватил джинсы, привалился спиной к прутьям и, не обращая внимания на жжение металла, принялся засовывать ногу в штанину. Со скованными руками одеться оказалось непростой задачей.

– Мы выберемся отсюда, – проворчал он, застегивая «молнию». – Я вас сюда притащил, мне и вытаскивать обратно.

– Мы не выберемся, – жалобно застонал Байрон. – Мне холодно. И я почти не чувствую ног!

Слегка дрожащей рукой Ивар вытер засохшую кровь с губ.

– Выберемся, я сказал! – упрямо повторил он. – Байрон, ты прямо как девчонка! Я даже удивляюсь, почему тебе до-

стался сокол, а не курица в качестве фамильяра.

– Без фамильяров нам не выбраться, – подхватил Лекс. – Ох, и разозлится твой отец, когда узнает!

– Мой приемный отец, – с нажимом ответил Ивар, – ничего не узнает. Он будет думать, что мы веселимся с городскими шлюхами. Чем мы, как вы оба видите, сейчас и занимаемся. Поняли?

Он обвел взглядом друзей. Лекс хмыкнул, а Байрон вздохнул:

– У тебя есть план? Скажи, что он есть, потому что у меня на самом деле отнялись ноги.

Ивар осмотрелся, чтобы убедиться в отсутствии охотников. Клетки стояли вдоль амбара, и, к сожалению, оставалась вероятность, что кто-то может подслушивать из-за стены, но в остальном поблизости никто не наблюдался. Охрану не ставили, ведь клетку из особого железа не сломать никому из лекхе. Даже Ивару. Толстые прутья жглись как адово пламя, стоило дотронуться.

– Когда за мной придут, – сообщил он, доверительно понизив голос, – я попробую сбежать и вернуться с подмогой.

– Они подстрелят тебя, – обреченно заметил Байрон, – не успеешь до леса добежать.

– Но я попробую.

– А почему ты уверен, что придут именно за тобой? – прищурился Лекс. – Тебя уже пытали, а вот нас – еще нет.

– Потому что я вызвал Хромого на смертельный поеди-

НОК.

– Ты – что?!

У обоих друзей краска сошла с лиц.

– Да, да, не самая лучшая идея, – неохотно признал Ивар, – но он стоял так близко, что меня... переклинило. Я не смог побороть желание вцепиться в его глотку и отомстить за свою семью.

– Отец тебя убьет за это, – Лекс посмотрел на друга круглыми глазами. – Ты что, рассказал, кто ты такой и зачем явился? – Он уронил голову на сложенные руки. – Нет, мы точно не выберемся. А в заповеднике теперь еще и охрану утратят, зная, что лекхе хотят вернуть себе жилу! Они-то считают нас покоренными!

– Я что, похож на идиота? – рявкнул Ивар, чтобы пресечь панику среди друзей. – Конечно, я не сказал. Прикрылся тем, что поцеловал дочь Хромого. Девчонка сама подошла – такая возможность! Поверь мне, даже своих детей охотники ценят меньше, чем жилу. Если бы я признался, а потом победил – меня все равно изрешетили бы на месте. Так просто они нам это место не уступят. А вот если бы я убил Хромого из-за дочки, возможно, сумел бы выкрутиться.

– Звучит так, как если у тебя все равно не осталось бы шанса, – заметил Лекс.

– Шанс был. Я рассказал обо всем девчонке. Сделал ставку на ее сочувствие. Женщины не так жестоки.

– Охренеть! – Лекс схватился за голову.

– И ничего не охренеть, – проворчал Ивар. – Никому она не скажет. Мы заберем ее с собой. Когда сбежим.

– Угу. Ну да. А сначала ты один скованными руками всех здесь замочишь, – друг указал на покрасневшие запястья Ивара, плотно охваченные железными скобами.

Ивар послал тяжелый взгляд в сторону леса.

– Надеюсь, у меня появится такая возможность когда-нибудь.

Он ошибался. Возможности не появилось. В скором времени трое охотников подошли к клеткам. Двое, постарше, держали оружие наготове, а третий, в котором Ивар узнал уже знакомого ему брата Киры, нес длинную толстую цепь, которая оканчивалась железной скобой.

– Надевай! – приказал он и бросил конец цепи со скобой между прутьев решетки.

Ивар демонстративно не сдвинулся с места.

– На ногу надевай. Оглох?

Он поднял глаза, готовый броситься в тот момент, как откроется клетка. Он не станет драться с девчонкой-охотницей. У него другие цели.

Пистолет, направленный в клетку друзей, быстро остудил его пыл и заставил пересмотреть приоритеты. Скрипнув зубами, Ивар сгреб с земли обжигающее железо и застегнул скобу чуть выше щиколотки. Для этого пришлось подвернуть штанину. Металл обхватил ногу. Зубцы плотно вошли в пазы. Не сломать.

– Хороший песик, – ухмыльнулся брат Киры и только тогда открыл клетку.

О том, чтобы сбежать, теперь не шло и речи. Охотник крепко намотал свободный конец на руку, но даже если Ивару бы и удалось вырваться, цепь не позволила бы развить нормальную скорость.

Угрюмо насупившись, он побрел впереди конвоя, позвякивая цепью при ходьбе.

Его ждали на широком расчищенном месте, прямо возле той сосны, где недавно подвешивали. Охотники образовали что-то вроде круга. Они с недоверием посматривали на Ивара, пока тот приближался. Он сглотнул, заметив, что почти у каждого за плечом или у пояса есть оружие, и мысленно посоветовал себе готовиться к худшему.

Хромой сидел на складном стуле, уперевшись руками в бедра. Рядом с ним Ивар заметил того старика, который вступился за Киру и помог ей добиться участия в поединке. Сама она тоже стояла неподалеку, нервно поправляя кожаные митенки. Девчонка успела переодеться в обтягивающие штаны и короткую куртку, и выглядела очень сексуально в такой одежде.

Солнце спряталось за тучи, и начал накрапывать дождь. От влаги волосы Киры, забранные в высокий «хвост», ложились на одно плечо непослушными завитками. Неудивительно, что Хромой ее прятал. Если бы девчонка родилась лекхе и жила в гетто – давно бы уже ходила с пузом. Желающие

сделать ее своей в очередь бы выстроились. Да и среди обычных мужчин наверняка возник бы ажиотаж. Ей повезло, что она выросла в глуши, окруженная лишь родственниками да наемниками, которые слишком боялись ее отца, чтобы заглядывать на нее.

Ивар тряхнул головой. Не о том думает. Не о том. Она – его последний шанс. Он должен достучаться до нее и заставить прекратить бессмысленный поединок. Никто из них не должен умереть. Вот Хромой – другое дело. Но до того добраться непросто. Нахрапом не возьмешь.

Брат Киры обмотал свободный конец цепи вокруг сосны, закрепил замком, подергал, чтобы проверить надежность.

– Десять шагов, – сообщил он, лично измерив расстояние. – Если что, сразу отбегай на безопасное расстояние.

Кира не стала спорить. Она подвигала плечами, разминаясь. Сделала несколько шагов вперед и вынула из-за пояса два длинных ножа с изящными рукоятками. Оружие отличалось от грубых тесаков, виденных Иваром ранее, и он понял, что эти ножи сделаны кем-то из любящих родственников специально для нее.

Они встали друг напротив друга. Достаточно близко, чтобы Ивар заметил, как по нежной шее девушки стекает капля дождя. Ему захотелось поймать эту воду языком. Лизнуть ароматную кожу. А потом лизнуть еще, добраться до груди, спуститься к животу и ниже. Лизать до тех пор, пока она сама не запросит, чтобы он взял ее.

Он снова тряхнул головой и показал запястья, чтобы напомнить о кандалах.

– Даже не надейся, – тут же отозвался ее брат, который неусыпно контролировал безопасность девушки.

Возражать Ивар не захотел. Если бы он был на месте того амбала, то тоже не стал бы развязывать руки. С развязанными руками он опаснее, чем все они думают.

Без предупреждения Кира сделала выпад. Безукоризненная реакция спасла Ивара, и лезвие ножа просвистело в каких-то жалких сантиметрах от его обнаженной груди. Ее лицо стало свирепым. Губы поджалась, глаза смотрели решительно.

Он ухмыльнулся. Опасная малышка.

Она снова сделала выпад, и Ивар в очередной раз ушел от ножа.

Но не такая опасная, как он.

Девчонка, похоже, ожидала, что уложит его с первого раза, потому что разозлилась не на шутку из-за своих промахов. Бесконечная череда ударов ливнем обрушилась на Ивара. Он только успевал отпрыгивать и уворачиваться, позвякивая оковами. Вовремя заметил острие, нацеленное в грудь, и расставил руки, блокировав маневр цепью кандалов. Неприятный скрежет раздался, когда железо встретилось с железом.

– Так и будешь от меня бегать? – прошипела она, сдвув с лица выбившуюся прядь волос.

– Я не стану тебя убивать, – покачал он головой и снова выставил руки, на этот раз в жесте примирения. – У меня претензии к твоему отцу, а не к тебе.

– Мой отец – это все равно, что я! – она совершила резкое обманное движение, и когда Ивар попался на уловку, с размаху вонзила нож в его плечо по самую рукоять.

Волна боли и ярости захлестнула Ивара. Потеряв самоконтроль, он оглушительно зарычал прямо в ее лицо. От неожиданности девчонка отпрянула. Ее нога поскользнулась на влажной траве. Кира рухнула на спину. С ножом в плече Ивар бросился на нее сверху.

Она взвизгнула от испуга и быстро-быстро поползла назад, перебирая локтями и отталкиваясь пятками. Дикий внутренний инстинкт вел его за ней. В нос резко бил запах свежей травы и ее страха. Зубы клацнули совсем близко от лица девчонки. Раз. Другой. Третий.

Она обессилела и упала на спину, дыша, как загнанный зверек и вытаращив глаза. Именно в этот момент цепь на ноге Ивара натянулась до предела, и он застыл, совсем чуть-чуть не достав до ее нежной шеи.

Он чувствовал, как колотится ее маленькое сердечко. Ощущал ее стройное тело под собой. Специально навалился всем весом и вдавил девчонку в землю. Она начала хватать ртом воздух.

– Останови поединок, – то ли попросил, то ли пригрозил Ивар, поймав ее взгляд.

– Ты... только что... рычал как зверь? – слабым голосом спросила она.

Ивар раздраженно выдохнул через нос.

– Я и есть зверь, Кира. Я – лекхе. Но я не хочу причинять тебе боли. Но я могу тебе ее причинить. Даже в этих кандалах – могу.

Ее розовые влажные губы приоткрылись от удивления, и Ивар содрогнулся изнутри, глядя на них. Кира похлопала ресницами.

– Глупый. Это я не хочу причинять тебе боли. Но они хотят...

В унисон с ее словами в висок Ивара уперся холодный ствол.

– Быстро слез с нее!

Он поднял голову и увидел, по меньшей мере, десяток ружей, нацеленных на него с разных сторон, и ее вездесущего братца с пистолетом. Покорно отполз назад, присел на пятки, показывая, что все понял. Выдернул из плеча нож и протянул его Кире, ухмыльнувшись при этом:

– Похоже, у меня нет шансов на победу?

С очень серьезным лицом она отрицательно мотнула головой и забрала оружие из рук Ивара. Вытерла окровавленное лезвие о траву четкими отработанными движениями. Как учили. Брат помог ей подняться и заботливо отряхнул от грязи.

– Еще одна такая выходка, получишь пулю, – процедил

он, смерив Ивара взглядом, потом повернулся к сестре: – Ты не устала? Я могу завершить представление.

– Нет. Я закончу, – отказалась она.

Ивара вынудили вернуться на исходную позицию. На этот раз он решил изменить тактику. Не сдаваться же, в самом деле. Такой нелепой смерти не пожелаешь и врагу. Хотя нет, Хромому бы он пожелал.

Кира бросилась в атаку. Ивар сразу угадал ее маневр, но не сдвинулся с места. С противным чавканьем нож опять погрузился в его руку. Совсем недалеко от предыдущего пореза, который еще кровоточил, но уже стал потихоньку заживать. Кира охнула и во все глаза уставилась сначала на оружие, потом на Ивара. Он заставил себя не морщиться от боли. Обеими руками схватил ее за шею и грубо дернул на себя. Цепь его кандалов легла на ее грудь. Их лбы столкнулись.

– Ты должна остановиться! – заорал он в лицо девчонки. – Слышишь меня?!

А потом поцеловал.

У них было несколько секунд. В него не станут стрелять издалека, опасаясь задеть и ее.

– Нет! – она попробовала вырваться, но Ивар только сильнее стиснул ее.

Так нельзя целовать девственниц, подумал он, когда вошел языком в ее рот. Но, возможно, это был последний и самый сладкий поцелуй в его жизни, и он не смог себе отказать.

Кира возмущенно пискнула и попробовала сделать подсечку. Так неуклюже, что начала падать сама. Ивар хотел ее подхватить, но связанные руки ограничивали его возможности. Заметив острый камень, он упал следом и едва успел подставить ладонь между краем и ее затылком. Зашипел от того, что разбил пальцы.

По девичьему телу прокатилась волна дрожи. Кира не могла не догадаться, что он только что спас ее от серьезной травмы. Она вцепилась в его плечи. Оказавшись второй раз подряд сверху и ощущая сбившееся дыхание девчонки на своем лице, Ивар повторил:

– Прекрати поединок. Никто из нас не должен умирать.

Его ударило в плечо и отбросило на спину. Ивар успел заметить Хромого, вскочившего со стула с ружьем наперевес. И не побоялся же выстрелить в такой близости от родной дочери. Впрочем, он всегда любил пострелять.

– Не надо! Я сама! – Кира проворно оказалась сверху. И откуда только прыть взялась?

– Прекрати, – повторил Ивар, все больше теряя надежду.

Краем глаза он заметил, что ее брат подкрадывается все ближе.

– Единственный способ все прекратить – это убить тебя, – Кира сурово поджала хорошенькие губки и выхватила из-за пояса другой нож, не такой изящный. Замешкалась, как будто что-то вспомнила. – Скажи, откуда у тебя эти шрамы?

Она чуть сдвинулась и указала на красноватые рубцы на

его ребрах. Ивар прикрыл глаза, вспоминая мрачное прокуренное помещение без окон. Если он тогда выбрался, то неужели сейчас просто сдохнет, как беззащитное животное?!

– Ты знаешь что-нибудь про «Красные повязки»? – ответил он вопросом на вопрос.

Брови Киры растерянно поползли вверх.

– Нет.

– Тогда расскажу как-нибудь в другой раз, – Ивар снова покосился на ее брата.

Девчонка оглянулась через плечо.

– Ну и ладно, – она обхватила рукоять ножа обеими руками и одним ударом пронзила его сердце.

Глава 6

Сегодня я смотрел на твое фото, Майя. Все думают, что я уже научился жить без тебя, но это не так. Пожелтевший снимок, где ты – в свадебном платье, храню в верхнем ящике прикроватной тумбочки, в футляре из-под очков. Все думают, что с годами у меня испортилось зрение. Ну, может, самую малость. Как раньше издали бил белку в глаз, так и теперь смог бы, а вот подношу твое фото к глазам – и все плывет.

Мне больно смотреть на тебя, Майя. Ты такая молодая, а я уже старик. В памяти всплывают лучшие моменты наших отношений. Но и худшие тоже. Почему ты никогда не улыбалась мне так нежно, как ему, Майя? Почему ты выбрала этого грязного лекхе? Почему? Почему?!

Он всегда стоял между нами, помнишь? Я хотел его убить сразу же, как увидел, но не мог. Я не мог, Майя! О, если бы у меня была возможность излечиваться от любых ран в мгновение ока! Я бы поставил всех на колени. Всех! Всех, кого ненавидел. Соседа, который однажды ударил меня палкой по спине за то, что воровал его малину с огорода. Толстую бабушку Марфу за то, что посоветовала моей матери утопить меня и обозвала злобным гаденьшем. Отца за то, что постоянно сек ремнем за каждый проступок. Брата за то, что рос таким мямлей.

Но прежде всех я бы поставил на колени тебя, Майя. Потому что место женичины – в ногах своего мужчины.

Хотя, о чем это я? С тобой у меня и так получилось.

Но сначала ты оскорбила меня. Ты помнишь, Майя? О, я уверен, ты никогда не забудешь свой проступок. Мне было так плохо без тебя! Особенно, после того, как ты стала тайком встречаться с лекхе. Сколько раз я хотел пойти и рассказать твоим родителям о том, куда ты на самом деле бегаешь по ночам!

Но вовремя прикусывал язык. Твой отец, всегда хмурый и молчаливый, наверняка раскрасил бы тебе спину во все цвета радуги, если бы узнал. С тех пор, как лекхе изнасиловали и утопили косую Варьку прошлой весной, он давно точил зуб них. Злился, что ничего не мог поделать, а грязные отродья все отрицали. Они даже приволокли к нам в село целый ящик кроличьих шкур в качестве примирения. С каким наслаждением мы всем гуртом забрасывали их камнями! А ведь Варька была всего лишь дочкой местного пьяницы, никто особо и не скорбел. Вот если бы дело коснулось дочери старейшины...

Нет. Никто не имел права прикасаться к моей девочке и наказывать ее.

Это удовольствие должно было достаться мне.

Я поймал тебя за домом твоей подружки, когда под вечер ты возвращалась из гостей. Прижал к стенке, скользнул жадной рукой под юбку. Едва совладал с собой, когда

дотронулся до трусиков.

Ш-ш-ш, не кричи!

Твои глаза казались такими огромными, что в них могла утонуть луна. Ты была так красива! Страх оседал крохотными капельками на твоём высоком лбу, и я собрал их языком. Все до единой. Твоя кожа светилась изнутри, и я покрыв её трепетными поцелуями.

Не кричи, сука, а то по стенке размажу!

Что? Расскажешь отцу обо всем? Смешно. Я смеюсь над тобой, Майя. Моя маленькая наивная девочка.

Я тоже расскажу твоему отцу обо всем. О лекхе, например. О ваших встречах. Откуда я знаю? Я знаю, Майя. Просто поверь, что я знаю. Твое любимое место у реки – это мое любимое место. Потому что я люблю все, что любишь ты. Кроме того грязного оборванца, естественно. Ты – моя любимая. И так будет всегда.

Зря ты не прислушалась ко мне тогда. Зря ударила. Зря убежала. Боль между ног прошла, а вот яд оскорбления остался разъедать мое сердце. Ты еще ответишь за это, Майя! Ответишь!

Ты думала, что можешь спрятаться от меня, просто изменив место встреч с лекхе? Думала, что я не найду тебя в полуразрушенном амбаре на краю деревни? Ты серьезно так считала?!

Я догадался, где ты прячешься, уже на следующий день. Выследить тебя было не трудно. Когда я припал к щели

между досками у задней стенки, то едва не зарыдал от огорчения. Ты снова обнимала грязного лекхе! И не просто обнимала. Он делал с тобой все то, что мечтал делать я. И ты не сопротивлялась. Как ты могла? Неужели ты ослепла, Майя? Неужели ты не поняла, кто твой мужчина?

Он уложил тебя на сено в круг лунного света, прямо под дырой в крыше. Когда он целовал твою шею, твои тихие вздохи сводили меня с ума. Я рыдал, Майя! Я скреб стену до тех пор, пока не обломал все ногти, а мои пальцы не начали кровоточить от заусенцев. Но я ничего не мог сделать. Я знал, что его лев дремлет у двери. Как убить того, кого нельзя убить? Как получить назад то, что он забрал?!

Ваши тела сплетались все больше. Казалось, сквозь щель я чувствую запах твоего желания. Он обнажил твою грудь, такую совершенную, и начал целовать ее. Ты закидывала руки за голову и жалобно постанывала. Я думал, что звери делают это грубо, и удивился, что он так нежен с тобой. Но потом догадался, что это ловушка. Он просто втирался в твое доверие, чтобы уволочь в свое логово и там дать волю истинным желаниям. Я не мог этого позволить. Не мог!

К счастью, ты порадовала меня. Когда ваши ласки зашли так далеко, что я почти обезумел от гнева, ты положила тонкую руку на грудь этого оборванца и тихо сказала: «Не надо». Я застыл от изумления и тревоги. Он наверняка собирался разорвать тебя на куски за отказ. Я бы разорвал. Если бы ты завела меня так далеко, то уже не остановил-

ся бы.

Но этот мерзкий лекхе только кивнул и оставил тебя в покое. Его слова о любви, лживые слова, резали мне уши. Он звал тебя убежать с ним в деревню, соблазнял и подстрекал отказаться от родных. Но ты ведь была благоразумной девочкой, Майя. Ты не смогла бы бросить родителей. Мы бы тебя за это не простили. Я бы не простил.

Тогда лекхе вдруг вынул из кармана штанов тряпицу. В ней оказалось большое и уродливое ожерелье. Он осторожно держал его на ладони. Так, будто боялся обжечься. Я припал к щели, не обращая внимания на пыль и ползающих муравьев. Так хотелось разглядеть его получше. Ты тоже удивилась. Куча переплетенных друг с другом полос железа? Это он считал украшением?! В то время, когда у реки можно было найти гору прекрасных прозрачных камней? К тому же, золото и серебро никто не отменял. Я сразу же решил, что обязательно подарю тебе что-нибудь из золота на нашу свадьбу. И ты поймешь, как убого выглядел подарок лекхе по сравнению с моим.

Он сказал, что у них существует древний обычай. Когда парень хочет обручиться с девушкой, он дарит ей самое дорогое, что у него есть. Я едва не рассмеялся. Конечно, что могло быть еще ценного у дикарей? Только дешевый металл.

Ты приняла подарок и надела его, но выглядела смущенной. А дальше... дальше я не знал, каких богов благодарить, когда услышал пояснения лекхе. Он начал рассказывать о

том, что его предки наткнулись на железный рудник в лесу, когда переселялись в наши места. И железо из этого рудника оказалось для них смертельным! Жилу спрятали, и только малое количество лекхе теперь знало ее положение, а уж обычным людям никто не говорил под страхом смерти.

Глупец! Твой лекхе рассказал тебе свой самый главный секрет и собственноручно вложил в твои руки самое страшное оружие против себя. Подобной наивности я не ожидал, но зато понял настоящую ценность подарка. Лекхе не шутил, когда звал тебя с собой. Такие секреты должны оставаться внутри рода.

Твои глаза блестели, Майя, когда ты поклялась вечно хранить его тайну. Я слышал по голосу, что ты готова вот-вот уступить и уйти с ним. Конечно, я не мог этого позволить. Жизнь лекхе была не в твоих руках, Майя. Она была в моих руках. Но тайну следовало использовать с максимальной выгодой. И я не собирался торопиться. Нужно узнать, где находится эта жила. И получить ее всю.

Уже тогда я отбросил всяческие сомнения в том, как умрет твой лекхе. Он умрет от моей руки. Я предвкушал, как лично пуцу пулю в его лоб, зная, что она вылита из его подарка тебе. Да. Это будет прекрасное возмездие за то, что он смел лапать тебя.

Получится ли у меня застрелить его? Умыть руки в его крови? Наслаждаться его смертью?

Ты просто не знала, Майя. Я был далеко не новичок в та-

ких делах. С косою Варькой все получилось с первого раза.

Глава 7

Ну вот и все. Стало так тихо, что я подумала – у меня заложило уши. Веки Ивара опустились, и его тело расслабилось подо мной. Его сильное, мощное тело, остававшееся таковым, несмотря ни на какие цепи. До последнего момента.

Я не была уверена, что у меня получилось его спасти. Не была уверена, что получилось сделать это бережно. Даже не знала, умер он по-настоящему или нет.

Но все равно почувствовала привкус горечи во рту. Отец был прав, когда говорил, что убийство ляжет тяжелым грузом на мои плечи.

Я кое-как встала на одеревенелых ногах, не отрывая глаз от мертвого лекхе. Его мужественную красоту не могли испортить ни кровь, ни грязь, ни смерть. Мимо прошел Николай, все еще сжимая в одной руке пистолет. Палец лежал поверх спускового крючка. Мой брат наклонился и свободной рукой выдернул нож из груди лекхе. Прищурился. Наклонился еще раз.

Я закусила губу, ощущая, как выпрыгивает из груди сердце.

Николай выпрямился, посмотрел на лезвие ножа, потом на меня.

– Ты ударила его не тем ножом! Его рана заживает!

– Технически я его убила. Он был мертв, пока ты не выта-

щил нож, – произнесла я, стараясь говорить твердо. – О том, из какого железа лезвие, никто не оговаривал.

– Технически? – Николай скривился. – Ты где этого понахваталась?

Он посмотрел на дядю Мишу.

– Да, – кивнула я. – Я поняла, как управлять правилами. Теперь не только вы это умеете.

– Кто это «вы»? – Коля, похоже, рассердился. – Мы, Кира! Не «вы», а «мы»!

Он поднял пистолет и нацелил его в голову Ивара, который все еще не открывал глаз.

– Нужно это закончить.

– Нет! – я загородила дорогу Николаю. – Технически он мертв. Сатисфакция получена. Точка.

– Коля, оставь, – послышался голос папы. – Лекхе нужен мне. Я собирался его допросить.

Брат неохотно убрал оружие, и в это время Ивар сделал первый глубокий вдох, хватаясь руками за грудь. Из огнестрельной раны на его плече на землю выпала пуля, а плоть начала затягиваться.

– Что он за черт? – протянул Николай, и в его голосе слышался легкий испуг. – Исцеляется без фамильяра и в кандалах из особого железа! Они что, каких-то мутантов научились создавать?

– Вот поэтому он нужен живым, раз уж Кира все так закончила, – сказал отец, остановившись рядом. – Я тоже хочу

это выяснить. – Он повернулся ко мне и добавил строгим голосом: – Кира, а ты сегодня под домашним арестом в своей комнате. За непослушание. Не хочу портить твой день рождения, поэтому сажаю не до следующего утра, а до ужина. Тебе пора научиться отвечать за свои поступки, и если бы не праздник, наказание было бы строже.

Я морально готовилась к чему-то подобному, поэтому не сказала ни слова. Все равно мой день испорчен так или иначе. А ведь я мечтала весело его провести!

Отец взял меня под локоть, чтобы лично проводить до комнаты. На Ивара я не смотрела. Зачем? Мое дело сделано, я дала зарок, что если он еще раз все испортит – вмешиваться не стану. Охотники окружили его, чтобы увести.

– Папа, а кто такие «Красные повязки»? – спросила я, подстраиваясь под медленный шаг отца.

– Этот лекхе что, «красноповязочник»? – тут же напрягся он.

– Нет! – удивилась я и, подумав, добавила: – Мне кажется, он с ними враждовал. У него странные шрамы на теле, и вроде как это их рук дело.

– В руки «красноповязочникам» просто так тоже не попадают, – покачал отец головой и задумчиво пожевал губами. – А за какие-то преступления.

– Да кто это такие?! – не выдержала я.

– Это тоже лекхе. Только еще хуже обычных, потому что «шестерки». Они – что-то вроде патруля добровольцев. Ло-

вят своих же и сдают властям. За отсутствие желтого билета, за нахождение в городе после комендантского часа. Полиция активно пользуется их услугами, Управление Безопасности тоже. И мне доводилось сотрудничать пару раз, но я пресек контакты. Не перевариваю, когда грязь строит из себя королей.

Мы приближались к дому.

– А почему «Красные повязки»? – спросила я.

– Они носят на левой руке повязку кровавого цвета. Знак, чтобы полиция не перепутала с другими и не трогала.

– Я никогда о таком не слышала...

Отец вздохнул.

– Зачем тебе знать о всякой мерзости, малышка? Насколько не люблю лекхе, но предателей не люблю еще больше. Ты живешь здесь, в мирном уголке, который я для тебя создал, и пусть так и будет. С реальностями жизни разреши разобраться мне и твоим братьям.

Мы вошли в дом, и отец принялся с трудом подниматься по ступеням следом за мной.

– Папа, не мучайся, я сама знаю дорогу до комнаты. Никуда не денусь, – пожалела его я.

– Нет, – прокряхтел он, – ерунда.

На верхней ступеньке мне пришлось ждать несколько минут. Но папа был слишком горд, чтобы принять помощь. Наконец, я вошла в комнату, а он остановился на пороге и посмотрел на меня с грустью.

– Сегодня ты впервые показала характер, – рука отца пахла порохом и металлом, когда коснулась моей щеки и приласкала. – Я и не знал, что у тебя есть характер. Думал, что ты как мама – нежная и беззащитная.

– Я только наполовину как мама, – смутилась я, – а наполовину – как ты. Ведь дети состоят из половинок родителей? Так что вини себя за мой характер.

– Тоже верно, – усмехнулся он и полез в карман брюк. – Вот. Надевать пока не разрешаю. Знай свое место. Если больше не будет таких фортелей, как сегодня, я подумаю о твоём возвращении.

Отец вынул цепочку с пулей и вложил в мою ладонь. Я не выдержала и бросилась ему на шею, крепко-крепко сжав в объятиях.

– Ты у меня самый лучший, папочка!

– А ты не ценишь своего старика, – добродушно проворчал он и погладил меня по спине.

– Ценю! – я оставила поцелуй на его щеке. – Очень ценю!

– Что ж тогда до инфаркта доводишь? И сама-то как себя чувствуешь? – отец отстранил меня, положив руки на плечи. – Во время этой бессмысленной драки я беспокоился за тебя.

Радость во мне тут же остыла.

– Ты стрелял в лекхе... – произнесла я, вспомнив, как испугалась, когда Ивара отбросило в сторону.

– Я беспокоился за тебя, – повторил отец.

– Ты его не отпустишь? Мне кажется, он уже сто раз пожалел, что забрался к нам.

– Нет, – лучики тепла исчезли из папиных глаз.

– Ты будешь его пытаться?

Он промолчал.

– Тебе не нужно об этом думать. Лучше реши, какое платье наденешь к ужину. Михалыч не зря потеет на кухне.

– Ты будешь его пытаться?

Папа отвел взгляд, нервно потер бровь.

– Скорее всего. Кира, я сам не в восторге от этого, но пойми: безопасность нашего заповедника превыше всего. Превыше любого лекхе уж точно.

– С создания нашего заповедника началась перемена законов...

Отец начинал нервничать все больше. Я заметила, что тема ему неприятна.

– Перемена законов началась со смерти твоей мамы. Не забывай, Кира, я никогда не скрывал от тебя и твоих братьев, что это лекхе убили ее. Они отняли ее у нас. А ведь она могла бы сейчас праздновать твое совершеннолетие рядом с тобой. Разве неправильно, что зверей загнали в клетки?

Я твердо знала ответ на этот вопрос. Но какие-то неясные сомнения продолжали терзать изнутри.

– Папа, а как нам достался этот дом? Ты не рассказывал. Мы всегда тут жили?

Лучше бы не поднимала тему. В глазах отца зажглось по-

дозрение.

– Почему ты спрашиваешь сейчас?

Я растерялась. Сказать ему, зачем на самом деле Ивар пришел сюда? Или промолчать? Если не скажу – то предам свой клан, буду покрывать преступника. А если скажу... а если Ивар не врал?

– Давай договоримся: ты ответишь на мой вопрос, а я отвечу на твой, – выкрутилась я.

Отец оглянулся в сторону лестницы. Шагнул в комнату, потеснив меня, и прикрыл за собой дверь. Потоптался на месте.

– Это длинная и неприятная история, малышка. Не отвернешься ли ты от меня, если ее узнаешь?

На этот раз ответа я не нашла. Мое молчание задело отца.

– Давай отложим этот разговор. Скажу только, что здесь жил тот, кто убил твою маму. Не спрашивай о подробностях.

Я начала кое-что понимать.

– И ты убил его?

Папа поморщился.

– Я же просил не спрашивать о подробностях.

– И всех, кто тут жил?

– Откуда у тебя такой интерес проснулся? Ты тоже обещала ответить.

У меня было всего несколько секунд, чтобы решить. Раз... два... три...

Что-то внутри меня подсказало: так будет лучше.

– Мне уже восемнадцать, а я не знаю, как давно мы тут обитаем. Вдруг я когда-нибудь выйду замуж и рожу тебе внуков? Вдруг они попросят на ночь вместо сказки рассказать семейные легенды? Мне стало любопытно.

Отец заметно расслабился. Он потрепал меня по плечу.

– Господи, малышка, ты уже о замужестве думаешь? Я и забыл, какая ты у меня стала взрослая. Но я не готов отпустить тебя так скоро! И в нашей семье лучше обойтись без легенд. Что было в прошлом – пусть останется в прошлом.

Предупредив, чтобы без разрешения никуда не выходила, отец поспешил покинуть мою комнату. Я опустила на край кровати и посмотрела на пулю в своей ладони. Показалось, или на поверхности видны пятнышки крови? И чья это кровь? И откуда эта пуля? Она деформирована, значит... ее вытащили из чьего-то тела? И повесили на меня? И все те пули, которые висят на шеях Николая, Ильи, Костика... у моего дяди и у папы...

Я вспомнила, как подглядывала за Иваром, когда он залез в мою комнату, и как он содрогнулся и тер ладонью лицо.

Как будто видел что-то страшное.

Меня передернуло. Я быстро спрятала пулю в карман. Пока не узнаю всех подробностей, нельзя судить, кто прав, кто виноват. Вот только как разобраться, если от меня все время что-то скрывают?

Мысли переполняли голову так, что казалось, она вот-вот напухнет. С первого этажа доносились веселые голоса: муж-

чины готовили для меня праздничное торжество, с шумом двигали стол в гостиной, таскали стулья. Дядя Миша матерился как сапожник, отдавая всем распоряжения.

До ужина оставалось уже немного. Я успела поваляться на кровати, задрав ноги на стенку. Попробовала почитать книгу, но не осилила и страницы. Открыла шкаф, но тут же его закрыла.

Я поняла, что беспокоит меня. Возможно, стоит прислушаться ко внутреннему голосу. Если уж сегодня я разрываю шаблоны и ломаю привычный уклад жизни, то почему бы не сделать этого еще разок?

Я отпущу Ивара. Иначе муки совести ночью спать не дадут. Только бы он убрался быстрее, чем меня поймают с личным и зададут жару.

Пленников держали в клетках и наверняка без охраны. Запасная связка ключей всегда хранилась в комнате папы, в его сейфе. И, конечно, я знала код. Подслушала как-то один разговор с дядей. Папа всегда делился с дядей важными вещами.

Бесшумно скользнуть по коридору, пока на первом этаже топала и звенела тарелками целая орава, не составило труда. Убрав связку в карман, я вернулась в свою комнату. Теперь нужно как-то добраться незамеченной до клеток. Но разве зря я прожила тут столько лет?

Приоткрыв окно, я оценила расстояние от подоконника до крыши хозяйственной постройки, набрала в грудь возду-

ха и полезла. Шифер был скользким от морозящего дождя, пришлось двигаться очень осторожно. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я спрыгнула в траву и смогла выдохнуть с облегчением.

Пробираясь от угла к углу, от постройки к постройке, я сделала большой крюк, чтобы обогнуть массивные стены своего жилища. К клеткам сразу не стала приближаться, сначала оценила обстановку. К счастью, предположения оказались верны: пленников никто не охранял, просто оставив их мокнуть под дождем. Я насчитала еще двоих помимо Ивара. Оставалось надеяться, что мои ключи подойдут ко всем замкам.

Когда я приблизилась к клеткам, мужчины подняли головы. Глаза Ивара тут же загорелись. Я заметила, что его запястья до сих пор скованы кандалами, хотя руки его сотоварищи оставались свободными. Наверно, Николай оставил кандалы из-за особых способностей Ивара.

– Я же говорил, что все получится, – вполголоса сообщил лекхе своим друзьям.

Я сделала вид, что не слышала этого самоуверенного заявления. Вынула ключи и начала перебирать их в поисках подходящего по размеру.

– Это она? – так же приглушенно поинтересовался другой парень. Телосложением он напоминал Ивара, вот только волосы и глаза были темными. Короткая стрижка, почти под «ноль». Очаровательная родинка в уголке губ наверняка

придавала ему обаяния, когда улыбался.

Третий лекхе только застонал. Посмотрев на него, я поняла, что дело плохо. Вся его одежда пропиталась кровью, лицо с тонкими чертами выглядело бледным. Волосы у него были не такими короткими, как у того, с родинкой, но и не такой длины как у Ивара. Они слегка завивались надо лбом и на висках, а вкупе с горбинкой на носу это придавало их обладателю какой-то даже возвышенный и романтичный вид.

Такой разношерстной компании я еще не встречала.

– Это она, – ответил Ивар, поднимаясь на ноги и подходя к решетке.

Он взялся за прутья и не сводил с меня глаз. Так, словно хотел загипнотизировать. Стало немного жутко. Почему он так смотрит? Чего хочет? Рад ли, что я пришла его отпустить? Сможет ли хоть раз поступить разумно, не подставлять меня, а просто убраться восвояси? Я покосилась на его кулаки. От соприкосновения с железом слышалось слабое шипение.

– Ты себе руки сожжешь.

С тем же выражением лица он отступил, показав мне раскрытые ладони. Багровые полосы на них начали постепенно светлеть. Я только покачала головой. И сколько можно позировать передо мной? Меня совершенно не волнуют его особые способности, его непобедимость или еще что-то там. И его грудa мышц тоже как-то не впечатляет. И даже эта непослушная прядь, которую по-прежнему так и тянет убрать за

ухо.

Скорчив равнодушную мину, я отыскала, наконец, нужный ключ и поднесла к замку.

– Нет. Сначала моих друзей.

Пожав плечами, я отошла к другой клетке и открыла ее. Ключ повернулся бесшумно в хорошо смазанном замке. Темноволосый тут же вскочил на ноги и подхватил раненого друга.

– Лекс! Фамильяра! Быстро! – начал командовать Ивар.

В мгновение ока он стал другим. Напряженным. Собранным. Как готовый к прыжку зверь. А меня охватила паника. Что я наделала? Собственноручно освободила врагов! А что, если они сейчас призовут фамильяров и нападут на мою ничего не подозревающую семью, вместо того, чтобы сбежать?

Тихое угрожающее рычание заставило меня обернуться и прижаться спиной к прутьям клетки. Колени задрожали. В руках зазвенели ключи. Огромный бурый медведь с густой лоснящейся шерстью стоял в каких-то двух шагах от меня. Его черный нос беспокойно двигался, втягивая мой запах, а глаза смотрели с яростью дикого зверя. Ох, а когти на лапах! Почему-то вспомнилась сухая истерзанная рука старого охотника...

– Не бойся, Топтыжка добродушный, – раздался над ухом вкрадчивый голос.

Я резко повернула голову. Ивар стоял по другую сторону решетки, прижимаясь ко мне сзади. Оказаться зажатой меж-

ду ним и медведем совсем не порадовало. После того, как он умудрился уже два раза поцеловать меня, любое прикосновение или приближение заставляло все внутри странно сжиматься.

– Это не Топтыжка, а Родион, – проворчал темноволосый. – Хватит дразнить моего фамильяра!

– Да ты посмотри на него! – возразил Ивар. – Ему нравится. Топтыжка...

– Вы им еще и клички даете? – удивилась я.

Оба мужчины посмотрели на меня так, словно с луны свалилась, и не стали отвечать.

Медведь продолжал смиренно стоять, и лекхе уложил раненого друга на его широкую спину. Похлопал по щекам. Легонько, чтобы заставить открыть глаза.

– Давай, Байрон, очнись, – заботливым голосом прошептал тот, кого звали Лексом. – Твой фамильяр нам тоже нужен.

Оправившись от первого шока и убедившись, что медведь меня не тронет, я открыла клетку Ивара. Надеялась услышать хоть какие-то слова благодарности, но напрасно. Лекхе вышел с видом, будто того и следовало ожидать, и протянул мне запястья в кандалах. Я едва поборола в себе мстительное желание не отмыкать их и предоставить ему самому избавляться от оков, как душе угодно. Но решив, что это будет мелочно, все-таки нашла небольшой ключ и отстегнула его от связки.

– Сам себе помоги, – отрезала я и вложила ключ в его ладонь.

Ивар хмыкнул, но ловко разомкнул оковы. С лязганьем тяжелые кандалы упали на землю к нашим ногам. На запястьях лекхе было страшно смотреть. Он потер их по очереди, поморщился.

– Ключ давай обратно, – я протянула ладонь, – мне нужно все вернуть на место, как было. Уходите сразу в лес и без глупостей. Когда будете пересекать границу, система безопасности все равно сработает, но, надеюсь, вам хватит ума бежать со всей дури?

– Спасибо, – закивал Лекс.

Все еще в ожидании ключа я посмотрела на Ивара. Он смерил меня взглядом, медленно наклонился и поднял с земли кандалы. А затем не успела я охнуть, как оковы сомкнулись на моих руках. Нет, железо не причиняло боли, как ему, но существенно ограничивало мои возможности.

– Это я, пожалуй, пока оставляю себе, – Ивар подкинул на ладони и поймал ключ, затем спрятал его в карман.

Волна дикого страха прокатилась по моей спине. Даже медведь казался пустяком по сравнению с тем, что задумал этот лекхе! Он что, хочет приковать меня здесь? Чтобы родственники нашли и сразу поняли, кто отпустил пленников? Вот это благодарность за спасение!

– Помо...

Ивар грубо схватил меня, прижал к себе спиной и закрыл

ладонью рот. Связка ключей упала к моим ногам. Я едва не задохнулась от паники. Он не шутил, когда говорил, что очень силен. Теперь, без кандалов, его сила словно выросла втрое.

– Ты пойдешь с нами, поняла, охотница? – прошептал он, обдавая горячим дыханием мое ухо. – Ты теперь моя добыча.

– Может, не будем этого делать? – неуверенно протянул Лекс. – Хромой придет в ярость.

– Хм, это меня только порадует, – отрезал Ивар. – Девчонка нам нужна. Мы обменяем ее потом на жилу.

Потом? Когда это «потом»? Почему «потом»?

Я со всей силы лягнула его и попыталась вырваться. Бесполезно. Меня потащили в лес, несмотря на сопротивление. Для лекхе я была не тяжелее пушинки, а мои удары – как укусы муравья. Медведь покорно нес на спине раненого. Когда тот пришел в себя, сквозь ветви деревьев на него спикировал сокол. Птица улеглась на хозяина, раскинув крылья. Я впервые видела, как происходит подобное взаимодействие, и даже забыла, что надо бороться и кричать. Померещилось, что от сокола к телу лекхе пошло слабое свечение.

К тому времени, как мы достигли границы заповедника, Байрон вскочил на ноги и передвигался сам так, словно и не истекал кровью до полусмерти. Его птица с важным видом сидела на плече. Медведь Лекса трусил впереди, с хрустом продираясь через кусты.

Мне снова стало страшно.

Оставалась надежда на камеры. Я попыталась найти их взглядом. Технику тщательно маскировали, но вроде бы мелькнуло что-то темное на стволе дерева, слишком неестественное для природного нароста. Я рванулась из последних сил, выпростала связанные руки, замахала ими, привлекая внимание...

Парой отточенных движений мой похититель погасил этот порыв. Перекинув меня через плечо, он побежал, все больше наращивая темп. Его друзья не отставали. Теперь я могла орать сколько душе угодно: мы находились слишком далеко от дома, чтобы кто-то услышал. Я решила не сдаваться и звала на помощь, пока не охрипло горло.

Мои похитители выбежали к дороге. Широкая полоса асфальта ввела вдаль, обрамленная по обе стороны лесом. Я ездила здесь несколько раз с отцом и знала, что дальше, через несколько десятков километров, будет город. Как легко собираются справиться со мной, когда мы окажемся среди людей? Или они думают просто утащить меня куда-то в дремучую чащу? Я поймала себя на мысли, что совершенно не представляю, где живет Ивар. Он дикарь, который корчит из себя цивилизованного человека. Повезет в гетто? Чувствую. Там он не сможет меня удержать.

В кустах нас ждал большой черный внедорожник. Только увидев его, я ахнула.

– На таких машинах к нам приезжали за оружием! – воскликнула я, когда Ивар поставил меня на ноги. – На них ез-

дят охотники, и кто-то из Управления Безопасности, наверно...

– И я, – заявил он таким тоном, что мне нестерпимо захотелось выцарапать ему глаза.

– Да кто ты такой?! – закричала я. – Неблагодарный выродок! Я спасла тебя! Отпустила тебя! И ты похитил меня! Отпусти сейчас же! За мной уже идет мой брат! И мой отец! Они убьют тебя! Нет! Я сама тебя убью! О, ну почему я не дала Коле сделать этого сразу!

– У нее истерика, – осторожно заметил тот, кого звали Байрон, и с опаской покосился на меня.

– Чего еще ожидать от девчонок, – закатил глаза Ивар. – Лекс! Держи ее.

Одна крепкая рука за моем плече сменилась другой, не менее крепкой.

– И тебя я убью! – прошипела я, повернув голову к темноволосому. – Ты просто меня еще не знаешь.

– Ой, я ее боюсь, – протянул он, но в глазах плясал смех.

Я только застонала сквозь зубы. Они не воспринимают угрозы всерьез! А, тем не менее, опасность могла быть реальной. Только если кто-то из наемников продолжал следить за камерами, а не пошел готовиться к празднику вместе с остальными...

– Вам даже машина эта не поможет! – продолжила я, когда немного передохнула. – Да вас всех казнят за эту маскировку! Гадкие животные! Вам не положено! Ни один закон...

– Я тебе сейчас кое-чем рот заткну, охотница, – спокойно заметил Ивар. – Прямо при всех. Доведешь.

– Чем?! – задыхнулась я от возмущения.

Значения взглядов, которыми он обменялся с Лексом, и их ухмылок я так и не поняла, но отвечать мне опять не стали. Я уже ненавидела это состояние, когда все вокруг знают и понимают что-то, чего не знаю и не понимаю я.

С невозмутимым видом Ивар взял ключи, очевидно, загодя припрятанные у переднего колеса. Хитро, учитывая, что мои родственники наверняка обыскали все его карманы, когда раздевали. Он открыл багажник и вынул стопку одежды.

– На все – три минуты.

Байрон первым бросился с готовностью снимать пропитанные кровью вещи. Он стыдливо зашел за машину, чтобы скрыться от моих глаз. Как будто его костлявое тело волновало меня в тот момент! Ивар прятаться не стал, но его я уже видела голым. Ничего интересного.

Переодевшись, они умылись из бутылки с водой и вымыли руки. Затем то же самое сделал Лекс, опять передав меня в руки Ивара. Теперь никто не мог бы сказать, что каких-то полчаса назад эти люди сидели в грязных клетках. Очень предусмотрительно для проклятых лекхе!

Меня затолкали на заднее сиденье, Лекс устроился рядом, Байрон – впереди на пассажирском, Ивар – за рулем. Заурчав мотором, внедорожник вырвался на асфальт и стрелой помчался вперед, все больше набирая скорость. Ивар вел

уверенно, но торопился. Мой отец никогда не позволял, чтобы стрелка спидометра так заваливалась вправо.

Каждую минуту я оглядывалась назад в надежде увидеть хотя бы в отдалении джипы охотников своего клана. Но дорога оставалась пуста, только вихри опавших листьев кружились позади машины. Я очень жалела, что не взяла с собой никакого оружия. Не предусмотрела, что ситуация могла повернуться против меня. Ивар, вот, предусмотрел. Даже одежду запасную взял, машину спрятал, не брал с собой ничего лишнего...

Мне стоило поучиться у него способности думать на два шага вперед. Жаль, что никто не научил меня этому раньше. Я сверлила его затылок взглядом, и чувствовала, что схожу с ума от беспокойства. Что ждет впереди? Что задумал этот лекхе? И как воспримет это мой отец? Я не сомневалась, что он будет искать меня. Коля и остальные братья костями лягут, из-под земли достанут. Но как скоро это случится? И что со мной будет до тех пор?

Нет. Нельзя сдаваться. Нужно продолжать надеяться на побег. Только бы добраться до города! Законы на моей стороне.

– А почему вы фамильяров с собой не взяли? – спросила я, решив выведать о похитителях побольше.

– Они потом появятся, – ответил Лекс, – в том месте, где мы будем. Всегда появляются. По первому зову. Расстояние для них не проблема. Исчезнут в одном месте и возникнут

в другом.

– А как вы их зовете? Это свист или какой-то пароль?

Непонятно, что насмешило эту тройцу. Но мне пришлось ждать, пока они успокоятся.

– Вообще, достаточно только подумать, – сообщил Байрон, повернувшись ко мне, – и все. У нас ментальная связь. Слова не нужны.

– А почему тебя зовут Байрон? Откуда такое имя?

Лекхе снова рассмеялись. Как будто я им тут клоуном подрабатывала.

– Она забавная, – заметил Лекс.

– А я что говорил? – поддакнул Ивар и посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

Я отвернулась.

– Байрон у нас стихи пишет, – произнес он таким тоном, будто уговаривал меня не дуться, – поэтому и Байрон. Кличка такая.

– Не пишу, а так... бумагу порчу, – смутился тот, о ком шла речь. – Но кому-то нравится.

– Мне – нет, – заявил Ивар.

– Мне тоже, – подхватил Лекс.

– А вообще, меня Стас зовут, – закончил Байрон и приуныл.

– А я Лекс – потому что Леша. Алексей, – пояснил темноволосый.

– А у тебя какая кличка? – обратилась я к Ивару.

– Хамелеон, – усмехнулся Лекс. – Ивар у нас Хамелеон.

– Ненавижу это слово, – процедил тот сквозь зубы.

– Родион тоже ненавидит, когда ты его Топтыжкой называешь, – беззлобно отразил нападки его друг.

– И вы забавные парни, – не осталась в долгу я. – Будет приятно вас прикончить. Байрона оставлю. Стихи на ваших могилках прочтет.

Наступившая на несколько мгновений тишина в салоне дала понять, что мне удалось ввести их в ступор.

– Кровожадная какая... – протянул Лекс.

В это время Ивар выпрямил спину, сбросил скорость и зарезал на сиденье. Я сразу поняла: что-то не так. Оглянулась – но погони не заметила. Ивар напряженно вглядывался куда-то вперед. Потянулся, открыл бардачок, вынул две красные повязки и бросил по очереди Лексу и Байрону.

– Надевайте. Быстро!

Те в мгновение ока послушались. Я застыла в изумлении. «Красноповязочники»? Они? Папа говорил...

– Сиди тихо, охотница, – прошипел Ивар, на мгновение повернувшись ко мне.

Вытянув шею, я, наконец, поняла, что так его напугало. Впереди, на обочине, стояла полицейская машина. Патрульный в салатовом светоотражающем жилете наблюдал за нашим приближением, приложив ладонь козырьком к глазам, чтобы защититься от капель дождя. Жезлом он дал знак остановиться.

У меня внутри все оборвалось, а потом бабочки запорхали в животе от возбуждения.

Вот он, мой шанс спастись!

Парни нервничали. Байрон начал тихонько что-то бормотать. Может, молился? Лекс сжал кулаки и спрятал их между колен. Ивар притормозил на обочине, достал документы и вышел из машины навстречу полицейскому. Воспользовавшись остановкой, я осторожно потянулась к ручке двери, но тихий угрожающий шепот Лекса остановил меня:

– Ивар же сказал сидеть смирно.

– Да ничего ты мне не сделаешь, – фыркнула я, но он тут же грубо схватил меня сзади за шею и заставил повернуться. Взгляд темных глаз растерял все бывшее добродушие.

– Если Ивар сказал, надо его слушать. Если мне придется тебя придушить, чтобы никто из нас не умер, так и сделаю. Он сейчас спасает наши задницы, и я не дам тебе все испортить.

Я оторопела. В это время в окне за спиной Лекса показалась жилетка полицейского. Я не могла рассмотреть его как следует, видела только пистолет в кобуре на поясе. В салоне было слышно, как он представился и попросил документы.

– Я что-то нарушил? – послышался голос Ивара.

На удивление спокойный и даже ленивый голос. На его фоне общая нервозность его друзей внутри машины только больше бросалась в глаза.

– У вас номера нечитаемы, – ответил полицейский.

– Да? – Ивар начал обходить автомобиль, и патрульный двинулся за ним. Они остановились, разглядывая номера. – Действительно, грязь. Я забуксовал там, на проселочной дороге. Когда уже эта чертова погода устаканится? Вам тоже ведь не сладко тут стоять, а?

Я увидела, как он вынул из кармана и что-то сунул патрульному.

– Точно, – полицейский усмехнулся, найдя сочувствующего собеседника в лице Ивара.

– Я всегда об этом думаю, когда проезжаю и вижу очередной патруль, который мерзнет на морозе, или в ливень, или в праздники. Все отдыхают, а вы почему должны работать?

– Работа такая, – охотно поддакнул полицейский.

– Курите? – Ивар опять сунул руку в карман.

– Не откажусь.

Он дал прикурить.

– Может, я возьму тряпку и просто протру номера?

Я затаила дыхание в ожидании ответа. Рука Лекса по-прежнему сжимала мою шею и не позволяла сдвинуться с места, но я очень надеялась, буквально умоляла в мыслях, чтобы полицейский решил проверить машину более тщательно или выписать штраф. Из-за тонированных стекол он вряд ли мог хорошо разглядеть, что происходило внутри.

– Давайте устраним нарушение. Тут всего-то одну цифру нечетко видно.

– Отлично.

Ивар выбросил сигарету, подошел и открыл свою дверь. Он уронил документы на сиденье и наклонился, чтобы шарить где-то под ним тряпку. Полицейский маячил за его спиной. Я поняла, что другого шанса уже не будет и заорала во всю мощь легких:

– Помогите!

Ивар дернулся и поднял голову, встретившись со мной яростным взглядом. Мой крик захлебнулся и перешел в жалобный вой, когда Лекс тряхнул меня так, что кляцнули зубы.

– Кто это там у вас? – тут же напрягся полицейский. Я заметила, что его рука потянулась к кобуре.

Выражение лица Ивара ясно говорило, что жить мне осталось недолго. Но когда он выпрямился с тряпкой в руках, его голос снова звучал безмятежно.

– А, девчонка-лекхе, которую мы везем в гетто.

Что? Такого наглого вранья я не ожидала. Он выдает меня за себя?! Несмотря на боль и угрозу физической расправы, я открыла рот и хотела крикнуть: «Нет!», но увидела, как другая рука Лекса скользнула под сиденье и вернулась с пистолетом. Из-за спинки водительского кресла полицейский пока не мог видеть опасности. Я замерла. Мои похитители настолько сумасшедшие, что готовы повесить на себя еще и убийство сотрудника при исполнении?!

Что-то стукнуло по крыше автомобиля.

– Это ее сокол? – спросил полицейский.

– Нет. Это фамильяр ее сопровождающего.
Сопровождающего?!

Полицейский оттеснил Ивара и заглянул в салон. На вид ему было не более сорока. На гладко выбитом подбородке проступила краснота раздраженной кожи. Пристальным взглядом он оглядел каждого из нас.

– «Красноповязочники»?!

– Насколько они мне сказали, – отозвался Ивар. – Я просто подобрал их автостопом. «Красным повязкам» ведь надо помогать, а?

Полицейский неторопливо оглядел меня.

– Девчонка в кандалах?

– Особое железо. Чтобы фамильяр под ногами не путался.

Ну да вы сами все знаете.

– Я – не лекхе! – воскликнула я. – Я – Кира! Мой отец – главный охотник в заповеднике «Белый камень»! Позвоните туда! Вы должны позвонить! Меня похитили!

Я слышала, как тихонько охнул Байрон. Палец Лекса переместился на спусковой крючок.

– Что только эти сучки не придумают, а? – рассмеялся Ивар. – Она пряталась как раз на границе с заповедником. Надо же, какую историю сочинила. Что взять с грязных лекхе? Вы местный? Никогда не слышал, чтобы у главного охотника была дочь. Все местные это знают.

Я всхлипнула от отчаяния. Попытки отца убереечь меня от внешнего мира вышли боком. Меня прекрасно знали про-

давщицы в магазинах, но кому они стали бы об этом сообщать? Только если этот патрульный вдруг оказался бы мужем одной из них.

Пока полицейский размышлял, прошла целая вечность. Сердце колотилось где-то у меня в горле.

– Пожалуйста! – взмолилась я, глядя ему в глаза. – Вы должны мне поверить!

– Что-то я, и правда, такого не слышал, – скривился он и выпрямился, повернувшись к Ивару. – Но как она умудрилась убежать так далеко от гетто?

– Сбежала с каким-то отчаянным малым из городских, по моему. Парни успели рассказать мне немного. Все как обычно. Раздвинула ноги в расчете на сладкую жизнь, а ее бросили под каким-то кустом. Кто станет долго путаться с грязной сучкой?

Полицейский с пониманием усмехнулся.

– Хорошо, что патруль вовремя заметил, – продолжил Ивар. – Теперь не хочет возвращаться. Знает, какое наказание ее ждет.

Я опустила голову. Все мои попытки достучаться разбились о хитрую ложь Ивара.

– А парни-то сами разговаривать умеют? – полицейский снова заглянул в салон.

Оба легке вытянулись как по струнке.

– Умеем, – охрипшим от волнения голосом выдавил Лекс.

– Документы есть?

– Есть. Показать? – пискнул Байрон.

Я вскинула голову. Еще несколько мучительных секунд и...

– Да ладно. «Красноповязочников» и так видно. Не в обиду, ребята.

– Никаких обид! – поспешил ответить Лекс, продолжая удерживать пистолет готовым к выстрелу.

Ивар, тем временем, успел протереть номера и стоял, хлопывая тряпкой по ладони.

– А вы...

– Коллегия адвокатов, – охотно ответил он на невысказанный вопрос патрульного.

– Счастливого пути! – козырнул ему полицейский, а когда Ивар уже собирался садиться в машину, тихонько добавил: – Лучше не подбирайте больше на дороге «красноповязочников», они тоже бывают опасны.

– Спасибо за заботу, – сердечно поблагодарил тот. – Учту.

В полном молчании мы тронулись с места. Патрульная машина осталась позади и в скором времени исчезла за очередным поворотом. Лекс спрятал пистолет и отпустил меня.

– Топтыжка сидел в кустах? – поинтересовался, наконец, Ивар, не отрывая взгляда от дороги.

– Я сдерживал его, – ответил Лекс, – но он был готов.

Ивар кивнул в знак одобрения.

– Не думайте, что все обошлось, – мстительно прошипела я. – Скоро по этой же дороге помчится мой отец. Он обяза-

тельно остановится, чтобы расспросить патрульного, вот тогда и всплывет правда. По номерам вас быстро найдут!

– Да, это плохо, – не стал спорить Ивар. – Надо было его пристрелить.

– Ты серьезно?! – ужаснулась я.

– Нет, охотница. За кого ты нас принимаешь? Но если бы пришлось это сделать – вина легла бы на тебя. В следующий раз думай.

– Ты сильно подставил отца? – посочувствовал Байрон.

– Пока не знаю... я позвоню ему. Позже.

– Отца? – удивилась я. – А как же та слезливая история про убитых родителей?

Ивар не удостоил меня ответа, и за него это сделал Лекс:

– Это приемный отец. И он неплохой человек. Жаль, что мы его подставили.

– Не надо было меня похищать, – проворчала я.

Несмотря на неудачу, я воспрянула духом. У папы теперь появится какая-то зацепка. И он обязательно меня найдет. Надо только верить и не опускать руки.

Парни сняли повязки и убрали их в бардачок.

– Так вы на самом деле «красноповязочники»? – спросила я.

– Нет! – Байрон повернулся и испуганно округлил глаза.

– Тогда откуда они у вас?

– Я снял их сдохлых «красноповязочников», – сообщил Ивар. – Так и знал, что пригодятся.

– Ты убил своих же?

Он грозно сверкнул на меня глазами.

– «Красные повязки» – это не «свои».

– Их все ненавидят, – поведал Байрон.

– Все, кроме властей, – добавил Лекс.

– Ты убил их до того, как они тебя пытали или после? – снова обратилась я к Ивару.

– Во время.

– За что они тебя пытали?

– Это не твое дело, охотница.

Как я его ненавидела за этот тон!

– А я знаю, за то, что ты – мерзкое двуличное существо.

Ивар посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

– Двуличное? Ты меня недооцениваешь. Два лица – слишком мало, чтобы выжить среди таких убийц, как твой отец.

– Значит, когда ты меня поцеловал и умолял о спасении, это было третье лицо?

Краем глаза я заметила, как сидевший рядом Лекс вдруг напустил на себя отсутствующий вид, а впереди послышалось насвистывание Байрона.

Ивар резко выдохнул через нос и поменял положение рук на руле.

– Да, я ее поцеловал! – наконец, воскликнул он.

– Мы не против, – отозвался Лекс.

– Я даже ничего такого не подумал, – поддакнул Байрон.

– Два раза, – мстительно добавила я. – И один раз был

голым. И возбужденным. Думаешь, я этого не заметила?

В машине повисла тишина.

– Обсуждать мой стояк не будем, – прорычал Ивар после минутной паузы.

– Нет, неподходящая тема, – закивали его друзья.

Вроде бы беседа утихла, но еще через какое-то время Лекс не выдержал.

– Ты умолял ее о спасении?

– Это был повод для второго поцелуя, – пояснила я.

– Все равно она меня убила, – Ивар стал мрачнее тучи. – Даже рука не дрогнула.

– И спасла, – напомнила я. – И вас всех спасла тоже. А этот симулянт...

– Ты симулировал стояк на охотницу? – заинтересовался Байрон.

– Да как его можно симулировать! – встал на защиту друга Лекс.

– Заткнитесь все! – рывкнул Ивар, и его руки на руле подрагивали от гнева.

Лекхе притихли. Удовлетворенная, я откинулась на спинку сиденья и отвернулась к окну.

До города мы добрались быстро, но останавливаться там не стали. К своему ужасу, я поняла, что похитители увозят меня все дальше. Прошел час, другой. Во время короткой остановки мужчины размяли ноги, и мучительная поездка продолжилась. Я перестала ориентироваться в своем место-

нахождении. Куда решил меня спрятать Ивар? И догадается ли папа, где искать? Он наверняка перевернет на уши округу, но сообразит ли расширить круг поисков?

Наконец, автомобиль свернул с шоссе на проселочную дорогу. Не похоже, чтобы ею часто пользовались, потому что внедорожник то и дело подпрыгивал на кочках и ухабах, а низко склонившиеся ветви деревьев хлестали по крыше. Меня изрядно помотало, прежде чем Ивар притормозил. Наступила ночь, и все, что удалось разглядеть в свете автомобильных фар – это высокий частокол, кое-как слепленный из разномастных бревен, и деревянные ворота. Гетто? Я ни разу там не была, но слышала, что заборы увешаны колючей проволокой, и по периметру бродит вооруженная охрана. Совсем не похоже. Ивар коротко посигналил три раза. Через какое-то время ворота начали открываться. Я вцепилась обеими руками в сиденье, не зная, чего ожидать от нового поворота судьбы.

Глава 8

Когда Кира закричала «Помогите!», Ивар поймал себя на мысли, что ему страшно. Страшно не от того, что их жизни снова окажутся в опасности. Всего-то и надо, что быстро выпрямиться, развернуться, наверняка получить пулю в живот от спохватившегося полицейского, сломать ему руку, отобрать оружие и сделать ответный выстрел. Ивар испугался, что потеряет свою охотницу. Что произойдет нечто непредвиденное – и ей удастся вырваться.

Но нет, обошлось.

Всю дорогу он украдкой поглядывал в зеркало заднего вида и наблюдал за ней. Морально был готов к любой женской реакции, которую только мог подсказать ему жизненный опыт. Ожидал, что девчонка начнет рыдать в три ручья, умолять его или кого-то из его друзей сжалиться и отпустить ее, предлагать за это деньги. Что будет обещать молчать и не выдавать их, если высадят ее у ближайшего пункта полиции или хотя бы у телефонной будки. Он даже не отбрасывал тот вариант, что она предложит ему одному или им всем переспать с ней ради свободы.

И поначалу Кира, действительно, заистерила. Но потом собралась с мыслями и перестала. Гораздо позже Ивар сообразил, что она выросла среди мужчин и просто не видела примера типичного женского поведения. Реагировала на

трудности так, как отреагировал бы кто-то из ее родственников. Как отреагировал бы он сам. Собралась и начала анализировать ситуацию и искать способ побега. Это настораживало Ивара больше любых криков и угроз. Он понимал, что девчонка борется. Ее гордый вид, блестящие от непролитых слез глаза, нервно дрожащие губы, покрасневшая кожа на тыльной стороне левой кисти, которую она принималась пощипывать, когда с задумчивым видом смотрела в окно – все это подсказывало Ивару, что внутри нее кипит нешуточное напряжение, подобное бомбе замедленного действия.

С каждой минутой его все больше срывало с тормозов по отношению к ней. Когда Ивар въехал в ворота своего поселения, то вдруг отчетливо понял, что его ничто не сможет остановить. Этой ночью он будет с Кирой, окажется внутри нее, завладеет ею безраздельно. Не ради жилы, не ради мести ее отцу – ради того, чтобы понять, каково это: быть с такой, как она.

Какая ирония судьбы – запать на охотницу! Ивар жалел, что ему не попадались такие девчонки среди лекхе. Все женщины его вида были сломленными и боязливыми. Они давно смирились с положением дел, приняли участь низшей расы и покорились завоевателям. Ивар легко читал это в потухших безжизненных взглядах. Он жалел своих соплеменниц, но не хотел их. Ивар спал с обычными женщинами, и они даже не догадывались, что он из себя представляет, но это была скорее дань городскому образу жизни и необходимость поддер-

жания имиджа ради безопасности. Горожанки казались ему тупыми бездушными тварями, помешанными на тряпках и статусе своего очередного любовника.

Оставалась еще Мила, единственная из девушек-лекхе, которая не сгибалась под ударами судьбы, но к той Ивар испытывал исключительно дружеские чувства.

Когда Кира вышла из машины и остановилась, чтобы оглядеться, он заметил, что ей страшно. Обычный и вполне понятный страх, продиктованный чувством самосохранения. Втянув голову в плечи, со скованными руками, она стояла, как ребенок приоткрыв рот от удивления, и разглядывала поселение. С места у ворот взгляду сразу открывалась широкая площадь, освещенная уличными фонарями. По обеим сторонам от площади шли дома, одноэтажные и двухэтажные, но не те хилые «мазанки», которые можно было встретить в гетто, а нормальные жилища с каминным отоплением.

Поселенцы начали выходить из домов, чтобы посмотреть, кто приехал. Увидев незнакомку, они спешили ближе, сгорая от любопытства. Ивар кивал в ответ на приветствия, а сам размышлял, правильно ли поступил, что привез ее именно сюда? Рискнул и поставил на карту жизни всех близких ему людей ради одной девушки. И достойна ли она этого риска? Выдержит ли то, что он для нее приготовил? Сможет ли помочь ему так, как это требуется? Не сломается ли, как сломались женщины его вида под властью мужчин ее вида?

Людей собралось около полутора десятков, и тогда Ивар

представил им Киру. Сообщил, кто она такая, и что она будет его пленницей здесь. Поселенцы зашипели, а девчонка вздрогнула. Ивар нахмурился, взял ее за руку, чтобы увести, и тут в нее полетел первый комок грязи.

Он не стал останавливать своих людей, потому что и не ожидал от них ничего другого. Принятия не будет, по крайней мере, с первого взгляда. И в этой войне Ивар должен быть на их стороне от начала и до самого последнего вздоха. Если начнет защищать дочь врага – может потерять уважение. А оно ему жизненно необходимо.

Глаза Киры расширились, и она так закусила верхнюю губу, что показалось – выступит кровь. Ивар потащил ее за собой, стараясь быстрее увести от толпы, но комья летели ей вслед, ударяли в спину, по плечам, разлетались брызгами по волосам и одежде. Лекхе выкрикивали ей вслед ругательства и грозили кулаками.

Когда он буквально втолкнул ее в дом, девчонка пребывала в шоке. Она смотрела в одну точку перед собой и продолжала кусать губы. Ее перепачканное лицо казалось слишком бледным и застывшим. Ивар снова испугался: не сломается ли? Возможно, он был слишком жесток с ней. Отец держал ее в тепличных условиях, она и понятия не имела, что происходит в окружающем мире.

Но иногда приходится учить плавать, просто столкнув в воду.

На шум из кухни вышла Мила, вытирая руки о полотенце.

В простом домашнем платье, темные волосы заплетены в две небольшие косички. Она оглядела гостей.

– Это что за чучело?

– Она поживет здесь, – бросил Ивар.

– М-м, – протянула Мила и, потеряв интерес к девушке, ушла обратно.

Ивар наклонился и заглянул в глаза Киры. Хлопнул по щеке. Легонько, чтобы не причинять боли. Даже грязной она выглядела соблазнительно, и он снова ощутил, что заводится. Теперь, когда они, наконец-то, в безопасности, можно выбраться из саркофага цивилизованности и стать самим собой.

– Эй! Ты здесь?

Пустота в ее глазах тут же сменилась злостью. Ивар усмехнулся. Ожила.

– Это стадо дикарей какое-то! – напустилась она на него. – Они меня закидали грязью!

– Радуйся, что не камнями, – отозвался Ивар и потащил ее по лестнице на второй этаж, совершенно не заботясь о том, что они оставляют грязные следы в доме, где хозяйничала Мила.

Он немного покривил душой. Камнями бы точно не позволил ее забрасывать.

– Мой отец все здесь разнесет, когда узнает, как они со мной обращались!

– Если найдет это место, конечно, – охотно поддакнул

Ивар.

Она о чем-то вспомнила и приуныла. Но вскоре опять начала борьбу.

– Ты здесь живешь? – ноги Киры заплетались на ступеньках, но она все равно пыталась вырваться.

– Периодически.

– Кто эта девушка?

– Ее зовут Мила.

– Она твоя жена?

– С какой целью ты интересуешься?

Девчонка ахнула от возмущения, когда сообразила, что он ее подкалывает, и покраснела.

– Хочу понять, она сразу на меня с ножом кинется или повременит?

– Нож – оружие охотников. У нас есть фамильяры.

– У тебя и того нет!

– Как видишь, так даже лучше.

Ивар открыл дверь и втолкнул ее в комнату. Подобно разъяренной кошке девчонка оцетинилась и повернулась вокруг себя, явно готовясь к новой опасности. Он сложил руки на груди и прислонился плечом к двери, ожидая, пока она поймет, что под широкой кроватью никто не прячется, а из шкафа не выпрыгнут дикие звери.

Наконец, Кира успокоилась и повернулась к нему.

– Чья это комната?

– Моя. Теперь и твоя тоже.

Он произнес это, уже предвкушая, как зароеется лицом в ее волосы и прижмет ее к себе, чтобы насладиться сладострастными стонами. В паху сразу потяжелело.

– Я не собираюсь жить с тобой в одной комнате!

– Что-то мне подсказывает, – Ивар прищелкнул языком и покачал головой, – что у тебя просто нет выбора.

Она прищурилась.

– Мстишь за поединок?

– Ты хотела сказать: за мое чудесное спасение? – он картинно приложил руку к сердцу. – Напротив, премного благодарен.

– Тогда не смей запирать меня в этой комнате!

– Хочешь вернуться на улицу?

Она вздрогнула и со страхом посмотрела в сторону окна.

– Н-нет...

– Хочешь поспать в комнате Лекса? – с плохо скрытой угрозой поинтересовался Ивар.

Если только она предпочтет ему кого-то другого, он за себя не ручается.

– Нет! – казалось, охотница испугалась ее больше, а у него, наоборот, на душе полегчало. – Я... – она вдруг хитро прищурилась, – я хочу поспать в комнате Милы.

– Она спит не одна, – отрезал Ивар. – И ей нет до тебя дела.

Девчонка поникла.

– Я могу, хотя бы, принять ванну без того, чтобы видеть

твою мерзкую рожу?

– Да, – не стал спорить Ивар, – ванна тебе не помешает. Вон за той дверью.

– И я должна принимать ее вот так? – Кира показала скованные руки.

Он помедлил пару секунд, прикидывая в уме варианты, а потом пожал плечами.

– Почему бы и нет? Ты еще не давала мне повода доверять. Ее хорошенькие бровки нахмурились.

– И как я, по-твоему, разденусь?

– О, с этим я могу помочь.

Ивар подошел и вынул из кармана ключ. Он отомкнул тяжелые оковы на одной руке девушки, но оставил их на другой. Знаком он показал, чтобы Кира начинала снимать куртку.

Казалось, она слегка оторопела

– Может, ты отвернешься?

– К таким, как ты, опасно поворачиваться спиной, охотница.

Еще несколько секунд девчонка ждала в надежде, что он пошутил. Когда сообразила, что это не шутки, раздраженно фыркнула и вздернула подбородок. Резкими злыми движениями Кира расстегнула молнию на курточке, а затем стянула с себя вещь. Ивар сглотнул и понадеялся, что сделал это незаметно. С вызовом глядя в его глаза, охотница расстегнула пуговицы на кофточке и тоже сдернула ее с плеч.

Потеряв счет времени, он устался на ее грудь, укрытую сливочно-белыми кружевами белья. Руки так и тянулись прикоснуться, потрогать, сжать. У девчонки оказались тонкие выступающие ключицы. Голубая жилка пульсировала на забрызганной грязью шее, выдавая отчаяние и страх охотницы. Ивар не смог с собой совладать. Только не в такой момент. Он поднял руку и костяшками полусогнутых пальцев провел от уха Киры, вниз по шее до самого края кружев. Ее кожа напоминала ему бархат.

Он точно возьмет ее этой ночью. Найти бы только где-нибудь силы дожидаться момента!

Девчонка вздрогнула, глотнула воздуха. Ее грудь приподнялась, и перед глазами Ивара все поплыло. Он схватил охотницу за подбородок, провел большим пальцем по губам, оттягивая нижнюю так, что показались белые зубки.

– Зачем ты так делаешь?

– К-как? – удивилась она.

– Зачем так дышишь?

– Потому что ты опасен для меня.

О да, неужели она это поняла?

– Никогда об этом не забывай.

– Не забуду. Может, теперь ты отвернешься? – сквозь туман, спутавший все мысли Ивара, голос Киры прозвучал на редкость недовольно.

Он с трудом заставил себя оторваться от умопомрачительного зрелища ее груди, чтобы посмотреть в глаза.

– Теперь – тем более не отвернусь.

С сердитым выражением лица она расстегнула небольшую блестящую застежку спереди между чашечками лифчика. Спустила по плечам бретели. Ивар, как зачарованный, уставился на темно-розовые соски, но, уронив белье на пол, Кира тут же стыдливо прикрыла грудь руками. Поежилась, как будто чувствовала себя неуютно под его взглядом. Волчком глянула исподлобья.

Ивар разочарованно вздохнул.

– Теперь уходи, – не попросила, а приказала она. – Джинсы я сниму и без твоей помощи.

Ивар по опыту знал, что это будет непросто, но возражать не стал. Он защелкнул кандалы на другом запястье девчонки, а когда вышел, для верности еще и запер дверь ключом, который всегда носил с собой. В то время, когда Ивар не жил в этом доме, в его комнату никому не было входа.

Он спустился по лестнице, потирая щеку, и только теперь почувствовав, как устал за целый день. Из кухни слышались голоса Лекса и Милы. Когда Ивар вошел, та стояла у плиты и помешивала что-то в кастрюле. От вкусного запаха слюнки потекли. Лекс сидел за столом и уже уминал суп из тарелки. Ивар тяжело плюхнулся рядом, оперся локтями о столешницу, обхватил голову и закрыл глаза.

Минутка покоя.

– Вы оба – идиоты, – заявила Мила, по-прежнему стоя к ним спиной. – Один – потому что придумал это, а второй –

потому что потекает. Я поражаюсь, – она в сердцах взмахнула половником, – как вы еще Стаса в это дело умудрились втянуть?!

– Ты уже ей все рассказал? – Ивар с осуждением покосился на Лекса.

Тот с виноватым видом пожал плечами.

– Вы чем думали вообще?! – Мила повернулась и уперла руки в бока. – Зачем вы сюда притащили девчонку из клана охотников? Разве это место не должно оставаться безопасным?!

– Оно и останется безопасным, – отрезал Ивар.

– Леша сказал, что ты потом ее отпустишь. Как же это место останется безопасным, если она всем расскажет?

– Я не отпущу ее, а обменяю на жилу. Если мы получим железо, нам больше не придется прятаться от охотников. Больше никогда.

– Я не хочу рисковать Никитой ради какой-то призрачной возможности, – в голосе Милы послышались нервные нотки.

– Это не призрачная возможность. Она вполне реальна. И прекрати оспаривать мое решение.

Под твердым взглядом Ивара девушке пришлось прикусить язык.

– Есть будешь? – проворчала она.

Ивар кивнул и получил тарелку ароматного супа.

– Сегодня я останусь на ночь, – сказал он, приступая к еде.

– Зачем ты спрашиваешь? – отозвалась все еще сердитая

Мила. – Здесь все твое.

– Я и не спрашиваю. Я ставлю в известность.

Она фыркнула и посмотрела на Лекса.

– Надеюсь, когда он вдоволь наиграется с охотничьей шлюшкой, ты его уговоришь ее убить?

– Эм-м-м, – тот покосился на друга, – давай мы сами разберемся, сестренка.

Мила швырнула на край стола полотенце, которым вытирала руки, пробормотала несколько нелестных выражений по поводу мужской солидарности и демонстративно покинула кухню.

– Господи, ей мужик нужен. Кто-то же должен найти управу, раз ты не можешь! – покачал головой Ивар.

– У нее никогда не будет мужика. И ты сам знаешь почему, – без тени улыбки возразил Лекс.

Ивар потер переносицу. Да, он знал.

– Хорошо, прости. Неуместная шутка.

– Город на тебя плохо влияет. Ты забываешься иногда, – попенял друг. – Забываешь, что ты не из них. Не из тех, кому все можно. Надо быть осторожнее.

– Не из обычных людей? – усмехнулся Ивар. – Да, бывает.

– Ладно, – Лекс поднялся, отнес грязную тарелку в раковину, а на обратном пути хлопнул друга по плечу, – не мне тебя учить. Пойду почитаю племяшке сказку на ночь.

Ивар тоже убрал посуду, сделал короткий звонок отцу, потом порылся в холодильнике и собрал на чистую тарелку

еды. Охотница наверняка голодна как волк, а она нужна ему сильной.

Хотя бы на эту ночь.

Ивар поднялся наверх, открыл дверь в свою комнату и прислушался. Он не шутил, когда говорил, что не рискнет повернуться к охотнице спиной, и ожидал какого-нибудь подвоха. Хватило уже того позорного случая, когда она обманом заковала его в кандалы! Но комната оказалась пуста, а из-за приоткрытой двери в ванную послышались тихие всхлипывания.

Ивар запер за собой дверь и поставил тарелку на комод. Следуя по дорожке из разбросанных вещей Киры, направился в ванную. Крохотные белые трусики, брошенные у самого порога, заставили его задержаться на пару мгновений. Ивару понравился ее вкус в выборе белья. Невинные кружева для невинной девушки. Сколько же удовольствия он получит, когда будет открывать ее другую сторону! Ту, о которой она сама, наверно, еще не подозревает.

Представив себе, как это будет, Ивар почувствовал, что джинсы резко становятся ему тесными.

Дверь отворилась, даже не скрипнув. Он увидел почти доверху наполненную ванну, от которой исходил пар. Девчонка сидела, обхватив руками выступающие из воды колени и уткнувшись в них лбом. Ее разгоряченные порозовевшие плечи вздрагивали. Ивар поморщился. Если она начнет рыдать и умолять его о пощаде, он ничего не сможет с ней сде-

лать. Покорная жертва ему не нужна.

Он подошел и присел у края ванны, провел ладонью по ее спутанным влажным волосам.

– Я принес тебе поесть.

– Не трогай меня! – она тут же отпрянула так резко, что обрызгала Ивара с ног до головы. – Ой... – протянула в растерянности.

Он смахнул с лица капли воды и оглядел свою одежду.

– Ну вот. Теперь мне тоже придется раздеваться.

– Не... – оставшая часть фразы застряла в горле Киры, когда Ивар выпрямился и расстегнул пуговицу на джинсах.

Огромными глазами с росинками слез, блестящими на кончиках ресниц, она наблюдала, как он снял с себя рубашку. Несколько раз открыла и закрыла рот, как будто пыталась что-то сказать.

– Что? – Ивар нагнулся, чтобы расслышать, и одновременно вытащил ногу из штанины.

– Не... надо...

Она уставилась на его раздутый от желания член и стала красной как рак. Потом спохватилась и быстро отвернулась. Забилась в угол ванны, сжавшись в комок. Ивар перешагнул бортик, закатил глаза от удовольствия, когда горячая вода окутала уставшее тело, и заключил пленницу в кольцо рук, удобно пристроившись сзади. В оковах она не могла сопротивляться.

– Раньше ты так не стеснялась. Ведь ничего нового не уви-

дишь.

– Раньше у меня всегда был под рукой нож.

Ивар усмехнулся. Забавная малышка. Злая, как питбуль, и в то же время, беззащитная, как котенок. Тонкая талия, округлые женственные бедра. Приятная не только на взгляд, но и на ощупь.

Ивар развернул девчонку лицом к себе, и она уставилась на него снизу вверх, дрожа в ознобе.

– Ч-что ты будешь со мной делать?

– Ну... – Ивар смочил пальцы в воде, провел по ее виску и принялся отмывать грязный след над розовым ушком, – ...я найду способ связаться с твоим отцом... – он обвел ушную раковину, к которой так и хотелось прикоснуться языком, – ...так, чтобы меня или посредника не пристрелили, не позволив и рта открыть... потом я предложу ему поведать мне местонахождение жилы... – большим и указательным пальцем Ивар потер бархатную мочку, и охотница задрожала сильнее, – ...и если твой отец действительно так дорожит тобой, мы совершим взаимовыгодный обмен.

– Я... – зрачки девчонки расширились, а губы приоткрылись, – я не про это. Что ты будешь делать сейчас?

– Есть какие-то особые пожелания? – Ивар снова смочил пальцы и пригладил волосы ей за ухо, открывая соблазнительный изгиб шеи.

– Я не хочу, чтобы ты лежал со мной ванне голым.

Ее тон стал увереннее. «Осваивается», – подумал Ивар.

Его чудесная охотница быстро адаптируется к трудностям. Как и он сам.

Нет. Он тут же отогнал подобные мысли. Они не смогут быть парой. Никогда. Он не ищет в ней спутницу жизни.

– Твое «не хочу» здесь никого не интересует, – мягко возразил Ивар. – Так же, как мои желания не интересовали твоих родственников.

Мягко, но достаточно убедительно, чтобы не давать ложных надежд.

Кира вспыхнула. Она вырвалась из его рук и отпрыгнула как можно дальше, в противоположный конец ванны, в очередной раз забрызгав при этом пол. Подтянула колени в груди и уставилась на Ивара затравленным зверьком.

– Если ты сделаешь это, то опозоришь меня.

Он откинулся и положил руки на бортик, показывая, что не собирается бросаться следом.

– Но я уже тебя опозорил. Думаешь, кто-то поверит, что у нас ничего не было?

– Папа поверит, – нахмурилась она.

– Нет, – прищелкнул языком Ивар, – он видел, как я целовал тебя, и видел твою реакцию. Сразу поймет, что ты вернулась к нему не прежней невинной дочуркой, какой была. А может, даже сейчас он думает, что ты сбежала со мной по доброй воле. Мои люди видели тебя. Они понимают, почему я остался здесь ночевать. Для них ты – моя добыча и мой военный трофей. Чужое мнение уже не должно играть для

тебя роли.

По ее лицу он понял, что попал в цель. Девчонка поблелела.

– Ты же цивилизованный человек...

– Я?! – Ивар не смог сдержать изумления. – Ты же сама всю дорогу называла меня животным!

Кира надулась.

– Может, ты и не животное, – неохотно признала она, – у тебя нет фамильяра.

– Он во мне. Это делает меня еще более животным, чем ты думаешь.

– Поэтому ты так жестоко поступаешь со мной?

– Я? Жестоко? Может, мне следовало посадить тебя в клетку и оставить мокнуть под дождем?

Девчонка поежилась и промолчала.

– Может, стоило раздеть тебя и выставить перед всеми? – продолжил Ивар. – Позволить им щупать и трогать тебя, смотреть на твою прелестную грудь и наверняка не менее прелестную попку? Засовывать в тебя пальцы, а может и не только их?

Кира сдавленно охнула и сжалась еще больше.

– Нормальный человек бы никогда так не поступил, – с осуждением пробормотала она.

Ивар взялся за бортики и подтянулся на руках, приблизившись к ней. Она считала его жестоким! Наивная девчонка, которая толком не видела мир!

– Нормальный человек – это не лекхе? – прошипел он, нависая над охотницей и разрываясь от желания перестать сдерживаться. – А ты знаешь, что делают с девчонками, которые по своей глупости сбегают посмотреть на город без желтого билета в кармане? – Ивар прищурился. – Он их манит, такой красивый, такой яркий, такой не похожий на грязные вонючие переулки их гетто. Но они не знают его правил и попадают в руки первого же патруля. Их ведут в какую-нибудь затасканную комнатушку...

Ивар остановился и перевел дыхание. При мысли о том, что она могла сравнить его с кем-то из ненавистных врагов, в нем поднималась ярость.

– Я... не хочу знать, – пролепетала Кира.

– Ты и не узнаешь, – он раздвинул ей ноги коленом и провел ладонью по щеке. – Твой отец не зря не хотел, чтобы ты это видела. Он сохранил твой разум чистым.

Ивар наклонился, чтобы поцеловать ее. Но девчонка выставила руки, упираясь в его грудь и не давая этого сделать. Прикосновение его обнаженной груди к железу ее кандалов заставило его вздрогнуть.

– Я могу быть с тобой нежным... – Ивар надавил, понемногу преодолевая ее сопротивление и погружаясь в воду, чтобы лечь на нее. – Я... хочу... быть с тобой нежным.

Она продолжала упираться, и ему пришлось терпеть жжение. Ухватив девчонку за бедра, Ивар подтянул ее к себе. От их барахтанья вода выплескивалась через край. Ивар на-

щупал нежную плоть между бедер охотницы, скользнул по ней указательным пальцем. Вниз. Обратно наверх. Еще раз вниз и теперь немного внутрь. Ее тело не пустило его. Она вся была зажата, искусанные губы дрожали, взгляд метался по его лицу, руки продолжали отталкивать.

– Ш-ш-ш, я не сделаю больно, – прошептал он, склоняясь все ближе к ее манящим губам. – Уступи мне, Кира.

Она закрыла глаза. Ивар почувствовал, как девчонка обмякла под ним. Его палец раздвинул ее нежные складки и потерял их. Губы нашли ее губы. Кира шумно задышала, пускающая его язык в свой рот. Другой рукой Ивар ухватился, наконец, за цепь кандалов и потянул ее вверх, заставив охотницу завести руки за голову. Приподнялся, чтобы полюбоваться на ее позу полной покорности и готовности принять его ласки. Девчонка слабо застонала и посмотрела на него из-под ресниц. Ивар не смог сдержать ответного стона. Такая желанная!

Он оставил в покое ее женскую плоть, позволил охотнице опустить руки и под водой сам положил их на свой изнемогающий член. Сомкнул ее тонкие пальчики вокруг ствола и зарычал, чуть сдвинув к себе и обратно.

– Вот как я хочу тебя, охотница.

– Вот как я хочу тебя, зверь!

Ивара скрутило от боли, когда цепь кандалов крепко прижалась к чувствительной коже его органа. С этими ощущениями не могли сравниться даже пытки «красноповязочни-

ков», а уж их-то он запомнил на всю жизнь. В глазах потемнело. Вода плеснула в лицо. Миг – и он почувствовал, что рядом больше никого нет. Босые ноги Киры пошлепали прочь из ванной комнаты.

Глава 9

«Уступи мне, Кира».

Голос Ивара продолжал звучать в моих ушах, пока я, поскальзываясь на плитках пола, выбежала в комнату. После горячей ванны воздух здесь показался просто ледяным. Я обхватила себя руками, чтобы согреться. С мокрых волос по спине текла вода, капли скользили по ногам, между бедер все предательски горело от прикосновений этого грязного леже, который посмел трогать меня в самом интимном месте!

И я, действительно, чуть не уступила. Его поцелуй поднял внутри целую волну странных ощущений. Мне не хотелось позволять рукам Ивара хозяйничать на моем теле, но вот его губы... только усилием воли я вышла из оцепенения и смогла воспользоваться тем, что он сам подставился.

Но как спастись от того, что похититель хочет со мной сделать? Взгляд упал на окно. Потом на дверь. Для верности я подбежала и подергала ручку, но, как и ожидала, там оказалось заперто. На глаза попала тарелка с едой, стоявшая неподалеку на комодe из темного дерева. Возле нее лежала вилка с длинными зубцами. Из ванной комнаты послышался дикий рев Ивара. Времени не оставалось. Я схватила вилку и отпрыгнула подальше, за кровать. Подумала, что надо бы прикрыть наготу хотя бы покрывалом, но быстро отказалась от этой мысли. Если здоровенный мужчина набросится

на меня, то не смогу отбиваться от него, путаясь ногами в длинной хламиде да еще придерживая ее на груди.

Пусть лучше пострадает моя гордость, чем мое тело.

Ивар возник в дверях, похожий на разъяренного быка. Он уставился на меня исподлобья, и его ноздри раздувались. Стало жутко. Может, не стоило с ним так? Теперь еще, чего доброго, убьет и в лесу закопает. Кто знает, на что он способен?!

– Ты обожгла меня! – прорычал Ивар, подступая все ближе и сжимая кулаки.

Я выставила вилку перед собой, понимая, как жалко выглядит это оружие против горы мышц, надвигающейся на меня. Неуязвимой горы мышц, к слову. Мокрые волосы Ивара были отброшены назад, открывая лоб. На скулах к вечеру начинала пробиваться щетина. Губы искривились в злобном оскале. Капельки воды длинными дорожками стекали по груди. Его соски казались крохотными светло-коричневыми комочками.

– Да у тебя уже все зажило! – воскликнула я, не решаясь посмотреть ниже, чтобы оценить свою правоту.

– Ты не поняла, женщина?! Это очень важное для меня место! Его нельзя жечь! И плевать, что оно заживает. Нельзя! Ты поняла?!

Я сглотнула. Наверно, если его член так дорог ему, то с этим лучше не спорить.

– Д-да.

– Хорошо, – взгляд Ивара переместился на вилку. – А теперь убери это и дай мне подойти.

Я схватилась за вилку обеими руками, как в прошлый раз в своей комнате хваталась за пистолет.

– Нет.

Он прищурился, но стало заметно, что злость уже прошла. Я порадовалась, что легче еще способен к диалогу.

– Почему нет, охотница? Ты же видишь, что тебе некуда деваться? Эта вилка даже не из особого железа!

Ивар был прав. Даже если я смогу воткнуть в него свое оружие, дырки зарастут быстрее, чем успею убежать. Остался вариант воткнуть эту вилку ему пониже пояса, но что-то подсказывало, что второй раз шутить с его драгоценностью не стоит.

Я приставила вилку к собственному горлу, примерно там, где по моим ощущениям проходила сонная артерия. Невольно вздрогнула от прикосновения острых зубцов.

– Ты убьешь себя, чтобы не спать со мной? – на губах Ивара заиграла ухмылка.

– Да. Если понадобится.

– Почему? Я не понимаю тебя. Я же сказал, что буду осторожен. Я знаю, что ты девственница, и не буду причинять тебе лишней боли.

– Потому что я хочу сделать это по любви! – выкрикнула я. – С человеком, который будет любить меня, бесчувственное животное!

– Ага, я опять животное, – он уперся руками в бедра, и тем самым заставил меня посмотреть на них.

Проклятье! Ничего там не поменялось даже после ожога.

– Животное, потому что сам отказался вести себя как человек!

– Сейчас никто не спит по любви, Кира, – покачал он головой и сделал шаг вперед. – Времена не те.

Я сильнее воткнула вилку, ощутив резкую боль, когда зубцы прокололи кожу.

– Значит, я буду исключением.

Он сделал еще шаг, огибая кровать. Теперь между нами осталось совсем мало свободного пространства. Миролюбово выставил руки.

– Я не хочу делать тебе больно, охотница. Говорил же.

– Я тоже не хочу делать тебе больно, – прошипела я, стараясь выглядеть угрожающе.

Ивар подкрадывался ко мне, словно это он был охотником, а я – диким зверем.

– Но я могу сделать тебе больно, если ты не расслабишься и будешь сопротивляться. Твое тело похоже на сплошной комок нервов. Когда я войду в него, ты должна быть мягкой и готовой.

– Ты не можешь решить за меня!

Он лишь фыркнул.

– А тебе не кажется, что подобный диалог уже происходил между нами ранее? И после этого ты решила все за меня.

– Ради твоего же блага!

– Я тоже стою тут на грани того, чтобы схватить тебя и вонзиться дальше некуда, и уговариваю тебя ради твоего же блага.

Я уставилась на него во все глаза. Да он еще благодетелем моим себя считает!

Ивар подождал ответа некоторое время, потом продолжил:

– Ты считаешь меня некрасивым?

Я невольно еще раз оглядела его с ног до головы. Похоже, он просто издевается.

– Н-нет.

– Это из-за того, что тебе с детства забивали голову пред-
рассудками по поводу огромных различий между нашими
видами?

Я покусала губы, обдумывая вопрос.

– Может быть, но не это главное.

Еще один шаг – и Ивар стоял совсем рядом. Его глаза неотрывно наблюдали за вилкой.

– А в чем же дело, охотница? – приглушенным голосом спросил он.

– Я совершенно тебя не знаю. Я ничего к тебе не чувствую. Я так не хочу.

– А что ты хочешь узнать? – рука Ивара подобно стреле взметнулась, дернула меня за запястья. Второй рукой он выхватил вилку и, казалось, не потратил на это ни грамма

усилий. По полу что-то прозвенело и откатилось в дальний угол. – Давай я тебе расскажу.

Я снова оказалась перед ним, скованная и беззащитная. Закрыла глаза, чувствуя, как близко он стоит от меня. Между нами не было одежды, оружия или еще какого-либо препятствия. Только небольшая прослойка воздуха. Ивар подавлял меня своей властью. Не сдаваться, бороться – вот и все, что звучало в голове в тот момент. Я уцепилась за призрачную возможность.

– Расскажи мне о шрамах, которые не зажили. Почему так? – пробормотала я.

Ивар вздохнул, словно человек, обреченный делать то, что не хочется.

– Когда «красноповязочники» схватили меня... – он крепко сжал мои запястья у своей груди. Наверно, опасался, что сделаю фокус второй раз и опущу руки ниже, – ...то знали, кто я такой.

Своей мощной грудью он закрывал теперь весь обзор, и мне не оставалось ничего другого, кроме как разглядывать его. Чем больше я старалась не думать о том, что вижу, тем настойчивее в голову приходили мысли, которых ни в коем случае нельзя было допускать. Что будет, если он снова меня поцелует? Что будет, если я не смогу сопротивляться и все пойдет дальше? Каково это – быть с мужчиной? Почему это так приятно, когда я чувствую прикосновение его обнаженной кожи к моей?

Сердце гулко застучало.

– Как же они поймали тебя? – произнесла я внезапно севшим голосом.

– Я был неосторожен, – Ивар поднял мое лицо к себе и в ответ на вопросительный взгляд добавил: – Я был пьяный. В клубе.

– В клубе?!

Его взгляд изменился и стал нежным.

– Я как-нибудь свожу тебя туда, маленькая охотница, – пробормотал он.

– Я знаю, что такое клуб! Как тебя туда пустили?

Ивар, который уже начала наклоняться к моим губам, отстранился.

– Seriously? Мне объяснять по второму кругу?

– Ладно, и что дальше? – проворчала я.

Его хитрый вид мне не понравился.

– А дальше за поцелуй.

– Да ни за чт...

Ивар обхватил мое лицо ладонями и сделал то, что намеревался.

– ...о-о-о... – только и выдохнула я в его рот окончание фразы.

Не прекращая поцелуя, он подхватил меня под бедра, поднял и повернулся, прижав к холодной стене прямо возле окна. Мокрые пряди тут же прилипли к моей спине, вызвав дрожь по всему телу. Ивар скользнул губами ниже и долгим

порочным движением слизал кровь с моей шеи. Я отчаянно замотала головой.

– Нет! Не надо!

– Я всего лишь целую тебя, охотница, – пробормотал он, не спуская яростного взгляда с моего рта. – Ничего такого, чего бы мы не делали раньше.

Он снова сделал то, о чем говорил, на этот раз более грубо. Его язык играл с моим языком, лизал уголки моих губ. Зубы прихватывали нижнюю губу и отпускали. Я ощутила легкий металлический привкус собственной крови. Все тело обдало жаром.

– Обхвати меня ногами и положи руки мне на плечи, – прозвучал хриплый приказ.

Неизвестно почему, но я непреодолимо захотела его послушаться. Закинула руки, уронив цепь кандалов ему на спину. Ивар вздрогнул, как всегда делал это при соприкосновении с железом. По его шее текли капельки воды с кончиков волос. Ногами я обхватила крепкий торс. Почувствовала, как ладони Ивара придвигают меня еще ближе к сильному телу, заставляя бедра раскрыться шире.

Он потерялся об меня животом. Волоски, растущие вокруг пупка и ниже, щекотно прошлись по моей коже. Я невольно впиалась ногтями в его плечи.

– Так нечестно! Ты обещал рассказать, что дальше.

Мне нужно отвлечь его. Нужно сбить с толку. Вот только как, если мой собственный рассудок готов помутиться?

– Дальше... – Ивар недовольно поморщился, – ...они знали, что я исцеляюсь быстро, и боль проходит. Поэтому по прутьям из особого железа, которые удерживали меня, пустили ток.

– Это было больно? – ахнула я.

– Нет. Щекотно, – ответил он строгим голосом и потянулся ко мне, но я вонзила ногти в его плечи.

– Я серьезно спрашиваю!

На его скулах заиграли желваки.

– Ты когда-нибудь резала палец?

– Конечно.

– Помнишь эту боль?

– Ну да.

– Представь, что ты засунула палец в мясорубку. Сравни.

Я похолодела.

– Все. Я рассказал все, что ты хотела знать, – Ивар нагнулся, чтобы дотянуться до моей груди.

Его язык по очереди чувственно увлажнил каждый сосок. Электрические токи простреливали от них до самого низа живота. Я никогда не испытывала подобного. Заерзала в его руках, чувствуя непривычный прилив крови к бедрам. Вцепилась в его шею, зарылась пальцами в волосы на затылке. С каждой минутой становилось все сложнее бороться не только с ним, но и с самой собой.

Если все ограничится только тем, что легче делает сейчас – пожалуй, я смогу с этим смириться. Да, на эту уступку

можно пойти.

– Расскажи мне еще что-нибудь, – со стоном выдавила я.

Ивар закрыл глаза, медленно смакуя каждый сантиметр моей кожи.

– Ты уже не такая сухая, как раньше, – его горячее дыхание опаляло, и он снова потерялся об меня животом. – Я чувствую, что твой запах изменился. Это хорошо.

Да что он такое говорит? Я шевельнула бедрами в ответ на движения Ивара и тут же испугалась своей реакции.

– Расскажи не об этом!

Он прошелся зубами по моей груди. Это выгнуло меня дугой, заставило извиваться, касаясь стены лишь затылком. Руки блуждали по плечам Ивара, постоянно причиняя ему боль железными оковами. Я поняла это по его реакции на прикосновения.

Наконец, он осторожно поставил меня на ноги и снял мои руки со своей шеи.

– Вот что мы сделаем.

Ошеломленная, я осталась стоять у стены и смотреть, как Ивар развернулся и ушел в ванную. Его ласки настолько обездвигили меня, что даже не возникло мысли поискать вилку или другое оружие. Я просто ждала на том же месте.

Когда легке вернулась, в его руках я заметила ключ.

– Я сниму это с тебя ради сегодняшней ночи, – Ивар посмотрел мне в глаза и вставил ключ в замок оков. – Это будет мой жест доброй воли.

Железки с лязганьем упали на пол. Мои руки стали свободны! В тот же момент Ивар подхватил меня и перенес на кровать. Приподнявшись на локтях, я в изумлении наблюдала, как он опускается на колени передо мной. Что собирается делать? Неужели...

Ивар наклонился, лаская руками мои бедра. Его пробирающая щетина оцарапала внутреннюю поверхность моей правой ноги, когда он легонько коснулся губами кожи. Необычные ощущения. И приятно, и неприятно...

Я затаила дыхание. Где-то глубоко внутри шевелился страх, но в то же время казалось, что низ моего живота плавится, как лед на солнце, нагреваясь и истекая горячей влагой.

– Раздвинь свои ножки, – попросил Ивар, подбираясь губами все ближе к этому месту. – Сама... для меня... раздвинь...

Мне следовало прийти в еще больший ужас от этих слов, но я лишь помедлила в нерешительности.

– Тебе, правда, так приятно целовать меня?

– Конечно, – удивился он, – с чего бы я еще это делал? Особенно мне нравится, как ты жалобно постанываешь от моих поцелуев.

– Я не стонала!

Или...?

– Раздвинь ножки, Кира, – снова приглушенно произнес он. – Я все равно буду с тобой сегодня. Но ты получишь свое

удовольствие первой.

Жар тут же отхлынул.

– Почему бы тебе не раздвинуть их силой, раз ты сам все решил? – процедила я.

Ухмылка Ивара стала дразняще-сексуальной, веки чуть опустились на глаза, делая взгляд глубоким и возбуждающим.

– Потому что удовольствие невозможно доставить силой. Ты должна о нем попросить. Или хотя бы не сопротивляться.

Я готовилась вырваться и кричать, но после этих слов остановилась. До сих пор мне ни разу не было больно. Только приятно, и ощущения становились все сильнее с каждым новым действием Ивара. Как и обещал, он действовал нежно. И у меня не оставалось другого выхода, как пережить ночь с ним. Возможно, если я немного уступлю, это удовлетворит его?

Я медленно отодвинула ногу в сторону. Коснувшись складок языком, Ивар сам застонал. Звук потряс меня до глубины души. Я вцепилась в его волосы, чтобы оттолкнуть, но рука так и осталась лежать неподвижно. Невидимая сила прижала меня к кровати, делая абсолютно беспомощной против этого мужчины – настолько острыми оказались ощущения.

Поглаживание... удар... сильнее... слабее... все быстрее и быстрее – и вдруг сногшибательно медленно...

Я уже не могла сдерживать стонов, цепляясь за покрывало. Весь мир вокруг перестал существовать. Волна за волной на

меня накатывала жаркая истома, заставляя выкрикивать имя своего мучителя. Он словно только этого и ждал, с каждым моим криком удваивая старания. Мне стало все равно, кто он – враг или нет, и что ждет нас завтра. Вся прошлая жизнь, вплоть до сегодняшнего дня, казалась странным сновидением, от которого я вдруг проснулась и обнаружила себя в постели с мужчиной, который был создан для того, чтобы владеть моим телом.

– Я не знала... – прошептала я, заметавшись по постели, – не знала...

– Я тоже не представлял, что ты такая... – слышался шепот Ивара.

Его руки все сильнее сжимали мои бедра. Я раздвинула ноги, уже бесстыдно подставляясь ему. Его язык поиграл с узелком наверху, а потом проник глубоко внутрь меня. Совсем не больно. Совсем не то, чего я ожидала и боялась. Но к языку тут же добавился палец. Медленными круговыми движениями он принялся дразнить меня. Умопомрачительный тандем. Никогда даже представить себе не могла, что такое возможно.

Но когда я почувствовала, что палец скользит внутрь, а язык продолжает поигрывать узелком сверху, ощущения оказались совсем другими. Я охнула и напряглась.

– Ш-ш-ш... – Ивар поднял голову, его дыхание было сбившимся, а голос – очень хриплым. – Только не сжимайся опять. Я буду очень осторожен.

Продолжив ласкать меня, он понемногу проникал пальцем внутрь, то отступая, то возвращаясь. Потом повернул и медленно повел на себя...

– Да-а-а! – закричала я, выгибаясь невыносимой дугой.

Ивар поймал меня за шею, подтянул к себе, поцеловал в губы. Мой собственный вкус на его губах... его палец по-прежнему во мне...

– Скажи, я был жесток с тобой, охотница? – пробормотал он между поцелуями.

– Нет! – я захныкала как ребенок, ощущая, что внутри длятся и длятся отголоски того великолепного ощущения. – Мне было хорошо!

– Ты – умница. Красивая, нежная девочка. Но я хочу большего, – он облизнул губы, с трудом оторвавшись от меня. – Я хочу всю тебя.

Я не понимала, о чем он говорит.

– Твой палец... у меня снова подходит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.